

3723

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

**ОТ ОБЕЗЪЯНЫ
К ЧЕЛОВЕКУ**

С ПРИМЕЧАНИЯМИ И СТАТЬЕЙ
Г. А. ГУРЕВА [ГУРЕВИЧА]

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МАРКСИЗМА И ДАРВИНИЗМА**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ“

1923

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

~~3K13~~
~~263~~
~~0-84~~

3K13

0-84

63.30478

Э

~~30/335-570~~
~~2-630~~
~~0.4~~

ОТ ОБЕЗЬЯНЫ К ЧЕЛОВЕКУ

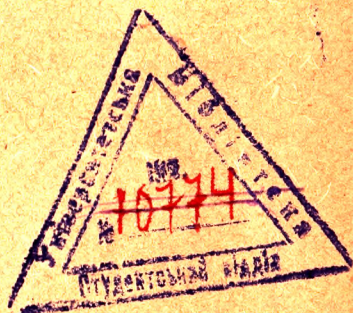
С ПРИМЕЧАНИЯМИ и СТАТЬЕЙ
Г. А. ГУРЕВА (ГУРЕВИЧА)

~~3553~~

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

4 НОЯ 1941

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ,
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

~~и-20194~~

ИБ ПНУС

3723

Кооперативное Издательство
„ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ“

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Статья великого учителя пролетариата Фридриха Энгельса под заглавием «Роль труда в процессе развития обезьяны в человека» написана довольно популярно и излагает вопрос, имеющий для нашего мировоззрения огромное значение. Впервые она появилась в печати после смерти автора, в 1896 г., в теоретическом органе германской социал-демократии «Нейе Цейт». Русскому читателю-марксисту эта работа Энгельса сравнительно мало известна. Мы ее печатаем в переводе А. Рагнера, сделанном под редакцией А. Финна-Енотаевского.

Вопрос, излагаемый здесь Энгельсом, тесно связан с дарвинизмом. Энгельс, опираясь на исторический материализм, как бы развивает и дополняет учение Дарвина о происхождении человека. И неудивительно: ведь исторический материализм находится во внутренней преемственной связи с дарвинизмом. Если дарвинизм изучает, как развивались живые организмы на земле под влиянием естественного отбора, то исторический материализм показывает нам, каким образом целесообразная деятельность человека в дальнейшем развивала человека и превратила наших обезьяноподобных предков в современное высококультурное общество.

Так как популярных работ, посвященных выяснению отношения дарвинизма к историческому материализму, почти не имеется, и так как уяснение этого отношения имеет большое значение для выработки стройного научного пролетарского мировоззрения, то наше книгоиздательство считало полезным приложить к работе Энгельса, в качестве дополнения, небольшую статью Г. А. Гурева (Гуревича), посвященную этому вопросу. Автор писал очень сжато, ибо он имел целью не исчерпать эту тему, а только дать о ней самое общее представление, возбудить интерес к ней, и если читатель от этой статьи перейдет к дальнейшему изучению вопроса о взаимоотношениях дарвинизма и марксизма, то автор будет считать, что эта цель им более или менее достигнута.

В конце первой части этой книги помещено несколько примечаний Г. А. Гурева (Гуревича), дополняющих или разъясняющих ряд мест в статье Энгельса.

Кооперативное издательство
„ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ“

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание настоящей книги выходит в значительно расширенном виде.

Во-первых, добавлены три отрывка из сочинений Энгельса, в которых излагается сущность дарвинизма и его значение для научно-философского мировоззрения.

Во-вторых, в мою статью о взаимоотношениях марксизма и дарвинизма внесен ряд весьма значительных дополнений, как в виде отдельных вставок в тексте, так и в виде целых глав, в которых затронуты крайне важные вопросы. И в настоящем своем виде эта статья, ограниченная в своих рамках, не имеет целью дать систематическое изложение основных принципов дарвинизма и марксизма. Ее задача сводится к тому, чтобы, в самых общих чертах, выяснить читателю тесную связь этих учений и тем дать представление о месте современной натуралистически-марксистской, или иначе, последовательно-материалистической теории природы и общества в системе наук. Широкие слои рабочей интеллигенции должны понять, что ни в коем случае нельзя считать изучение марксизма более или менее успешным, если не постигнута его связь с дарвинизмом и, вообще, с естественно-научным мировоззрением.

Что же касается статьи Энгельса, то ее перевод мною тщательно проверен.

Г. А. Гурев (Гуревич).

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

РОЛЬ ТРУДА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
ОБЕЗЬЯНЫ В ЧЕЛОВЕКА

ПРИЛОЖЕНИЕ:
ОТРЫВКИ О ДАРВИНИЗМЕ

С ПРИМЕЧАНИЯМИ
Г. А. ГУРЕВА (ГУРЕВИЧА).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всего только год прошел с тех пор, как великий учитель и преданный советник социал-демократии всех стран навеки сомкнул глаза, с тех пор, как не стало этой богатой сокровищницы знаний, этой редкой силы мышления. Все, что таила в себе эта голова,—с остановкой функций нервной системы,—рассыпалось в прах. Воскресить образ покойного, с его творческой силой, которая прежде так удивляла и радовала нас, мы можем только при посредстве оставшихся после него литературных трудов. Друзья Энгельса, которым он доверил свое литературное наследие, сочтут свой долг перед ним хоть отчасти выполненным, если ко дню годовщины его смерти им удастся выпустить в свет одну из его до сих пор не изданных работ. Будь эта работа даже отрывок или набросок, все же они в достаточной степени докажут всем, оставшимся после него, как много они потеряли в лице Фр. Энгельса,—вернее, чем он был для них, и чем они еще обладают в его произведениях.

Трудно установить, когда была начата Энгельсом лежащая перед нами статья. Но из некоторых фраз на последней странице подлинной рукописи и из заглавия, которое первоначально должен был носить весь очерк, можно заключить, что статья эта,—являясь только вступлением к целому исследованию,—начата еще до обработки книги Моргана «О первобытном обществе»,—следовательно, приблизительно в начале 80-х годов или еще раньше. О промышленном кризисе 1874 года упоминается в статье, как о недавнем, сравнительно, происшествии, и о «десятилетнем промышленном цикле», как о текущем еще явлении, между тем, как в позднейших работах Энгельс об'являет этот период оконченным. Быть может, правильно будет допустить, что в своей книге «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельс излагает все существенное из того, что он предполагал развить в своем труде «Три основные формы рабства». Таково, именно, было первоначальное заглавие. Позднее Энгельс изменил его в

«Порабощение рабочего». Наше же заглавие относится лишь к предлагаемому здесь вступлению. Название статьи: «Роль труда в процессе развития обезьяны в человека» написано рукой Энгельса на обложке пакета, в котором она хранилась вместе с другими отрывками. Остается еще заметить, что вопрос, популярно изложенный Энгельсом в этой статье, затрагивается и в других оставшихся после него рукописях, но мы не считаем себя вправе выделять эти места из их связи с остальным содержанием.

„Нейе Цейт“ 1896 г.

ВВЕДЕНИЕ

Труд есть источник всякого богатства, говорят политико-экономы. Он, действительно, представляет этот источник наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но значение его безгранично больше. Труд представляет собою первое основное условие всей человеческой жизни, и значение его в такой степени важно, что, в известном смысле, мы должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысяч лет тому назад, в не совсем точно установленную эпоху того периода жизни земли, который геологи называют третичным,—вероятно, к концу его,—жила, где то в жарком поясе, вероятно, на каком-то большом материке, погрузившемся теперь на дно Индейского океана,—порода человекообразных обезьян, достигшая чрезвычайно высокой степени развития¹⁾... Дарвин дал приблизительное описание этих предков наших: они были покрыты с головы до ног волосами²⁾, имели бороды, заостренные уши и жили стадами на деревьях.

Благодаря, главным образом, условиям своей жизни, при которых на долю рук во время передвижения, лазания, карабкания приходилась совсем иная работа, чем на долю ног, обезьяны и при хождении по ровной земле начали отвыкать от помощи рук и все больше приучались к вертикальной походке. Этим был сделан решающий шаг к переходу обезьяны в человека.

Все донныне существующие человекообразные обезьяны могут стоять прямо и двигаться на двух ногах, но к этому они прибегают в затруднительных случаях и при этом чувствуют себя крайне беспомощно. Естественная походка обезьян—в полувыпрямленном положении: она требует применения рук. Большинство этих обезьян при хождении опирается на суставы пальцев руки, сложенной в кулак, туловище же их, с подогнутыми ногами, перебрасывается

между длинными руками, как у хромого при хождении на костылях. Вообще, мы и до сих пор еще можем наблюдать среди обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках вплоть до походки на двух ногах: к последнему все они прибегают только в крайних случаях.

Если прямая походка у наших волосатых предков сначала только входила в привычку, а потом стала необходимостью, то видно, на долю рук тем временем все более выпадала какая-либо другая деятельность. Даже у обезьян господствует известное разделение труда при употреблении рук или ног. Как уже упомянуто было, употребление руки при лазаньи совсем иного характера, чем—ноги. Руками, главным образом, срывается и удерживается пища, как это уже проделывают некоторые низшие млекопитающие передними лапами. При помощи рук некоторые обезьяны строят себе гнезда в деревьях или же, как шимпанзе,—крыши между ветвями для защиты от непогоды. Руками же обезьяны хватают дубину для защиты от врага или бомбардируют его плодами или камнями; руками они, попав в плен, научаются проделывать массу позаимствованных у человека манипуляций. Но тут-то, именно, и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее близких к человеку обезьян и высоко развившейся, благодаря труду сотен тысяч лет, рукой человека. Число и общее устройство костей и мускулов одинаково у обоих, но рука стоящего на самой низкой ступени дикаря может выполнять сотню таких манипуляций, которых не в состоянии перенять ни одна обезьянья рука. Никогда ни одна обезьяна не изготовила своей рукой хотя бы самого грубого каменного ножа.

Те отправления, к которым, при переходе от обезьяны к человеку, на протяжении сотен тысяч лет наши праотцы мало-по-малу приспособляли свою руку, вначале, конечно, были чрезвычайно несложны. Дикари, стоящие на самой низкой ступени развития,—даже те из них, у которых приходится констатировать возврат к животному состоянию, с одновременно совершающимся телесным вырождением,—все же стоят несравненно выше этих существ переходной стадии. Пока человеческой руке удалось сделать первый кремневый нож, должны были, пожалуй, протечь проме-

---

жутки времени, в сравнении с которыми ничтожен весь известный нам исторический период. Но решительный шаг был сделан: рука стала свободна и могла приобретать все новую ловкость, совершенствоваться в мастерстве, и приобретенная вместе с тем большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению.

Итак, рука не только орган труда, но и продукт его. Только при помощи труда она приспособлялась к все новым отправлениям и передавала по наследству приобретенную, таким образом, особенную конструкцию мускулов, связок, а в более продолжительные промежутки времени и—костей; применяла эту унаследованную утонченность к новым, все усложнявшимся функциям. Только благодаря этому процессу, человеческая рука, наконец, достигла той высокой степени совершенства, на которой она смогла создать чарующие нас картины Рафаэля, статую Торвальдсена и музыку Паганини.

Но рука не представляла собой чего-то изолированного. Она была только отдельным органом целого, крайне сложного организма. Что шло на пользу руке, то шло на пользу и всему организму, для которого она работала,—и шло на пользу двойным путем.

Прежде всего действовал закон соотношения роста, как назвал его Дарвин. Согласно этому закону, определенные формы отдельных частей органического существа постоянно связаны с известными формами других частей, хотя, повидимому, между ними нет никакой связи. Так, например, все животные, у которых имеются красные кровяные клетки без шарикового ядра, а затылочная кость которых соединена с шейными позвонками двумя суставами,—имеют все, без исключения, также молочные железы для питания детенышей. А у млекопитающих раздвоенные копыта обыкновенно связаны со сложным желудком для пережевывания жвачки. Изменение определенных форм влечет за собою изменение формы других частей организма, причем взаимное отношение остается для нас невыясненным. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда глухи. Постепенное совершенствование человеческой руки и идущее с ним рядом развитие и приспособление ноги к вертикальной походке—без всякого сомнения, влияли путем того же соотношения на

другие части организма. Однако, это влияние так мало исследовано, что мы можем только констатировать его.

Гораздо важнее прямое, непосредственное влияние развития руки на остальной организм. Как уже сказано было, наши обезьяны праотцы жили обществами; очевидно, невозможно допустить, чтобы ближайшие предки человека, самого общественного из всех животных, были бы не общественными... Начавшееся с развития руки и труда господство над природой—с каждым новым успехом расширяло кругозор человека. В предметах природы он беспрестанно открывал новые, досель неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда, по необходимости, содействовало более тесному сближению членов общества, учащая случаи взаимной поддержки, взаимопомощи и уясняя каждому индивидууму пользу этого взаимодействия. Словом, формировавшиеся люди пришли к тому, что почувствовали потребность кое-что сказать друг другу.

Потребность выработала себе соответственный орган: неразвитая глотка обезьяны медленно, но верно перерабатывалась, переходя от одной модуляции к другой, более сложной, и органы речи мало-по-малу приучались произносить один членораздельный звук за другим³⁾.

Что такое объяснение происхождения речи, в связи с трудом и при его помощи,—единственно правильное, показывает сравнение с животными. То немногое, что имеют сообщить друг другу даже самые развитые из них, они могут сделать без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не чувствует лишения от того, что не может говорить или не понимает человеческой речи. Совершенно иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь, благодаря общению с человеком, так хорошо развили свой слух для членораздельной речи, что научаются понимать всякую речь, поскольку она доступна кругу их представлений. Далее они выработали способность к таким чувствам, как, например, привязанность к человеку, благодарность и т. п., которые раньше были им чужды; кому приходилось иметь много дела с этими животными, тот не может отделаться от убеждения, что бывает не мало случаев, когда неспособность говорить является для них лишением неотврати-

---

мым, благодаря особенному устройству их голосовых органов, развившихся, к сожалению, в крайне определенном направлении. Органы зева птиц, наверно, уже очень резко отличаются от таковых же человека, и, тем не менее, из всех животных одни только птицы способны научиться говорить, а птица с самым отвратительным голосом—попугай—говорит лучше всех. Пусть не думают, будто он не понимает того, что говорит. Конечно, он может целыми часами болтать из одной любви к говорению и к человеческому обществу, выкладывая весь свой лексикон, но он способен и понимать сказанное им, поскольку это доступно кругу его представлений. Научите попугая ругательствам так, чтобы он имел представление о смысле их (одно из первых удовольствий матросов, возвращающихся из жарких стран), и раздражьте его, тогда вы скоро убедитесь, что он будет применять эти ругательства так же кстати, как любая базарная торговка. То же он проделывает при выпрашивании лакомств.

Сначала труд, а за ним и вместе с ним членораздельная речь—вот два существенных стимула, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превращался в мозг человека, гораздо больший и более совершенный при всем их ходстве в основной структуре. А рука об руку с поступательным развитием мозга шло развитие его ближайших орудий—органов чувств. Подобно тому, как речь в своем постепенном развитии необходимым образом сопровождалась более тонким развитием органа слуха, так и развитию мозга, вообще, сопутствовало развитие всех чувств. Орел видит гораздо дальше человека, но глаз человека замечает в вещах гораздо больше, чем орел. У собаки несравненно лучшее обоняние, чем у человека, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. Чувство же осязания, существующее у обезьяны в грубой зачаточной форме, выработалось только с постепенным развитием человеческой руки, благодаря труду. А мозг с подчиненными ему чувствами, все более проясняющееся сознание, способность к абстракциям и к умозаключениям оказывали воздействие на труд и речь, давали им толчек к дальнейшему развитию; это дальнейшее развитие не

остановилось к моменту окончательного превращения обезьяны в человека; но у различных народов и в различные времена различалось по степени и направлению, местами даже, в силу местного временного регресса, прерывалось, но в общем и целом, властно шло вперед. К этому—с появлением сформировавшегося человека—присоединился еще новый элемент, общество, которое, с одной стороны, мощно толкало вперед развитие труда и речи, а с другой,—давало им определенное направление.

Сотни тысяч лет—в истории земли это то же, что секунда в жизни человека *)—наверно, протекли прежде, чем стая лазающих по деревьям обезьян превратилась в человеческое общество. Но все же, наконец, оно появилось. И что опять-таки является характерным различием между стаей обезьян и обществом человека?—Труд.

Стая обезьян довольствовалась тем, что целиком поедала весь корм того района, которым она располагала, в силу-ли географического положения или сопротивления соседних стай. Затем она предпринимала переселение и боролась за приобретение новых районов для питания; но извлекать корм из этого района больше, чем он давал в силу природных условий, обезьяны не могли, если не считать того, что они бессознательно удобряли его своими отбросами. Как только все имевшиеся районы для питания были заняты, размножение обезьяньего населения должно было остановиться; число животных, в лучшем случае, могло остаться на одном и том же уровне. Но у всех животных наблюдается большая расточительность при употреблении пищи, и при этом они в зародыше убивают естественный прирост пищевых продуктов. Волк не щадит, как охотник, козули, которая в ближайшем году должна принести козленка; козы в Греции, пасущиеся среди молодого, еще не успевшего отрасти кустарника, наголо опустили все горы страны. Это «хищническое ведение хозяйства» в мире животных играет весьма важную роль при постепенном изменении видов, ибо принуждает их отвыкать

---

*) Один из первоклассных авторитетов в этом отношении—сэр В. Томпсон—высчитал, что, по меньшей мере, должно было пройти сто миллионов лет после того, как земля остыла настолько, чтобы на ней могла появиться растительная и животная жизнь.

от обычной пищи, благодаря чему их кровь приобретает другой химический состав, и вся, вообще, телесная организация постепенно меняется; в то же время неподвижные, застывшие виды вымирают.

Нет никакого сомнения, что это хищническое хозяйство энергично содействовало процессу очеловечения наших праотцев. У какого-нибудь обезьяньего племени которое по уму и способности приспособляться превосходило все другие, число съедобных растений все больше возросло, из этих растений потреблялось все больше и больше съедобных частей, словом, пища становилась разнообразнее, а вместе с ней и те вещества, которые входили в организм,—химические условия для образования человека,

Но во всем этом нет еще труда, в собственном смысле слова. Труд начинается с момента приготовления орудий⁴⁾. Что представляют древнейшие находимые нами орудия,—древнейшие, судя по найденным остаткам доисторического человека и по образу жизни ранних исторических народов или наиболее диких современных народов? Все это орудия охоты и рыбной ловли, первые—вместе с тем и оружие. Но охота и рыбная ловля предполагают переход от чисто растительной пищи к употреблению наряду с ней и мяса, чем опять-таки сделан существенный шаг на пути к очеловечению. Мясная пища содержит в почти готовом состоянии все те главнейшие вещества, в которых нуждается организм для обмена веществ; при ней пищеварение стало совершаться быстрее, и благодаря этому, сокращалось время, необходимое для совершения других, соответствовавших растительной жизни процессов в организме; таким путем выигрывалось время, материал и желание—для деятельности чисто животной жизни. И чем больше формировавшийся человек удалялся от растительного царства, тем выше поднимался он и над животным. Подобно тому, как употребление растительной пищи, наряду с мясной, сделало из диких кошек и собак—слуг человека, так и привычка к мясной пище, наряду с растительной, содействовала возростанию телесной силы и самостоятельности нарождавшегося человека.

Но существеннее всего было влияние мясной пищи на мозг, к которому теперь обильнее притекали все

щества, необходимые для его питания и развития, благодаря чему он мог от поколения к поколению быстрее и совершеннее развиваться. Да простят мне г.г. вегетерианцы;— человек появился на сцену не без содействия мясной пищи, и если даже мясная пища у всех известных нам народов одно время и влекла за собой людоедство (предки берлинцев—велетабы, или вильцы—еще в X веке ели своих родителей), то теперь это для нас не имеет больше значения.

Мясная пища имела два дальнейших прогрессивных результата решающего значения: употребление огня и приручение животных. Первое еще более сократило процесс пищеварения, так как, благодаря огню, пища поступала в рот, так сказать, полупереваренной; второе создало, на ряду с охотой, новый, более правильный источник добывания пищи; кроме того, в молоке и его продуктах получалось теперь новое питательное вещество, которое по своим составным элементам, по меньшей мере, не уступало мясу. Таким образом, огонь и прирученное животное непосредственно содействовали эмансипации человека. Мы слишком далеко зашли бы, если бы стали рассматривать в отдельности косвенное влияние каждого из них,—так громадна была их роль в деле развития человека и общества.

Подобно тому, как человек научился есть все съедобное, так он научился жить в любом климате. Он рассеялся по всей обитаемой поверхности земли, он—единственное животное, которое в самом себе находило достаточно силы для этого. Другие же животные, которые привыкли жить в разных климатах, приучились к этому не по собственной инициативе, а благодаря человеку,—таковы домашние животные и паразиты. А переход из равномерно жаркого климата первобытной родины в более холодные местности, где год делится на зиму и лето, создал новые потребности: надо было запастись жильем и одеждой для защиты от холода и сырости; на сцену выступили новые области труда, а вместе с ними новая деятельность, еще более отдалявшая человека от животного.

Путем взаимодействия рук, органов речи и мозга,— не только у каждого в отдельности, но и во всем обществе,—люди стали способными выполнять все более слож-

---

ные функции, ставить и осуществлять все более высокие цели. Сами процессы труда от поколения к поколению принимали другой характер—более совершенный и многосторонний. К охоте и скотоводству присоединилось земледелие, а к последнему—прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное дело, судоходство. Рядом с торговлей и промышленностью выступили, наконец, искусство и наука; из племен составлялись нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними и фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове—религия. Перед всеми этими образованиями, кажущимися, прежде всего, продуктами деятельности головы, более скромные произведения работающей руки отступают на задний план, тем более, что уже на очень ранней ступени развития общества (напр. в первобытной семье) голова, составляющая план работы, старается практически выполнять свои предначертания при посредстве чужих рук, как бы своими собственными.

Голове, развитию и деятельности мозга приписывалась вся заслуга в деле быстро шагавшей цивилизации: люди привыкали выводить свои действия из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, доходят до сознания); таким образом, с течением времени возникло то идеалистическое мировоззрение, которое овладело умами, в особенности, после падения античного мира. Оно до сих пор еще настолько господствует, что даже естествоиспытатели-материалисты дарвинистской школы все еще не могут составить себе ясного представления о происхождении человека, потому что они, находясь под этим идеалистическим влиянием, не понимают той роли, которую сыграл при этом труд⁶⁾.

Животные, как уже вскользь было нами указано, так же изменяют своей деятельностью внешнюю природу, хотя и не в такой степени, как человек; а эти при их содействии совершающиеся перемены влияют, как мы видели, обратно на них самих, ибо в природе ничего не совершается обособленно. Одно явление влияет на остальные, и наоборот.

Забвение этого-то всестороннего движения и взаимодействия мешает нашим естествоиспытателям отчетливо видеть самые простые вещи. Мы видели, как козы препят-

---

ствовали облесению Греции. На острове Св. Елены козы и свиньи, выпущенные на берег первыми приставшими моряками, довели остров до того, что вся почти прежняя растительность на нем исчезла, и, таким образом, была подготовлена почва, на которой распространились растения, привезенные позднейшими моряками и колонистами.

Но, если животные оказывают продолжительное влияние на окружающую их обстановку, то это происходит без какого-либо намерения с их стороны и для самих же животных является чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их влияние на природу принимает характер обдуманной, планомерной деятельности, направленной к достижению определенных, заранее известных целей. Животное уничтожает растительность какого-нибудь участка земли, не ведая, что творит, человек же уничтожает ее для того, чтоб на освободившейся почве посеять полевые плоды или же посадить деревья и кусты, с уверенностью, что они принесут обильный урожай. Он переносит полезные растения и домашних животных из одной страны в другую и меняет, таким образом, флору и фауну целых частей света. Более того, — искусственным подбором растения и животные под рукой человека меняются до неузнаваемости. Те дикие растения, от которых произошли наши злаки, до сих пор тщетно отыскиваются. До сих пор еще не известно, от какого именно дикого зверя происходят наши столь различные породы собак или не менее многочисленные породы лошадей.

Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит отрицать у животных способность к планомерному, заранее обдуманному образу действий. Напротив, планомерный образ действия уже существует в зачатке повсюду, где имеется протоплазма, живой белок, который реагирует, т. е. совершает, хотя и чрезвычайно несложные, движения, как следствие определенных раздражений, получаемых извне. Такое реагирование мы находим даже там, где еще не имеется клетки, не говоря уже о нервной клетке.

Тот способ, каким насекомоядные растения подхватывают добычу, является также в известной степени плано-

---

мерным, хотя и вполне бессознательным. У животных развивается способность к сознательному планомерному действию в соотношении с развитием нервной системы, и у млекопитающих она достигает уже высокой степени. При охоте на лисиц, практикуемой в Англии, можно наблюдать, как хорошо лисица умеет пользоваться своим великолепным знанием местности, чтобы уйти от своих преследователей, и как хорошо она умеет замечать след, зная и пользуясь всеми условиями почвы данной местности. У наших более развитых домашних животных, находящихся в общении с человеком, можно ежедневно наблюдать такие проявления хитрости, которые стоят на одинаковой степени с таковыми у детей ⁶⁾. Подобно тому, как история развития человеческого зародыша в утробе матери представляет собою краткое повторение истории физического развития наших животных предков, начиная с червяка,—истории, длившейся миллионы лет,—так и духовное развитие ребенка есть лишь более краткое повторение интеллектуального развития тех же предков,—по крайней мере, позднейших из них. Но все планомерные действия всех зверей вместе взятых не могли привести к тому, чтобы наложить на землю печать их воли. Эта роль выпала на долю человека.

Словом, животное только пользуется внешней природой и вызывает в ней перемены одним только фактом своего присутствия; человек же произведенными им изменениями заставляет ее служить своим целям, подчиняет ее себе. В этом именно—последнее и существенное различие между человеком и другими животными, и опять-таки труд вызвал это различие *).

Не будем, однако, слишком гордиться своими человеческими победами над природой. За каждую такую победу природа мстит нам. Правда, на первых порах каждая победа дает те результаты, на которые рассчитывали, но затем получают совсем другие, непредвиденные действия, которые слишком часто снова уничтожают достигнутое. Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах уничтожали леса, чтобы приоб-

---

*) Здесь на полях рукописи написано карандашом слово „облагораживзние“.

рести почву для возделывания, и не снилось, что этим они положили начало превращению этих стран в пустыню: с уничтожением лесов исчезли центры скопления и хранения влаги. Когда итальянцы, обитавшие в Альпах, уничтожали на южном склоне гор еловые леса, так заботливо охраняемые на северном, то им и в голову не приходило, что они подкапываются под самый корень лесного хозяйства в своей области, и еще менее того они думали, что благодаря этому, они отнимают в течение большей части года воду у своих горных источников, которые, вследствие этого, в период дождей бурными потоками разливались по равнине. Лица, распространявшие картофель в Европе, никак не думали, что вместе с этими мучнистыми шишками они распространяют и золотуху. Таким-то образом, нам на каждом шагу приходится помнить, что мы ни в коем случае не овладеваем природой, как победитель овладевает побежденным чужим народом, как кто-нибудь вне природы стоящий, но что плотью, кровью и мозгом мы принадлежим ей, существуем среди нее, и что все наше господство над ней состоит только в том, что мы, более чем какие-либо другие существа, в состоянии постичь ее законы и правильно их применять.

И действительно, мы с каждым днем научаемся правильнее понимать ее законы и постигать все могущие произойти ближайшие и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в обычный ход вещей в природе. Именно со времени могучего прогресса естественных наук нашего столетия, мы все более получаем возможность предвидеть даже отдаленные естественные последствия наших обычных, по крайней мере, действий, направленных на производство, и таким образом мы научаемся господствовать над этими последствиями. Но чем дальше мы будем идти в этом направлении, тем сильнее люди снова станут не только чувствовать, но и понимать свое единство с природой; и тогда не будет места тому противоестественному, безрассудному представлению о какой-то противоположности между духом и материей, между человеком и природой, душой и телом, которое появилось в Европе с падением классической древности и достигло своего кульминационного пункта в христианстве.

Но если потребовался труд тысячелетий для того, чтобы мы хоть сколько-нибудь научились предвидеть более отдаленные естественные последствия наших действий, направленных на производство, то еще гораздо труднее было рассчитать более отдаленные общественные последствия этих действий. Мы уже упомянули о картофеле и о распространении в связи с ним золотухи. Но что может значить золотуха в сравнении с теми последствиями, которые имело сведение пищи рабочих на картофель,—для жизненного положения народных масс целых стран,—в сравнении с голодом, постигшим Ирландию в 1847 году, вследствие болезни на картофеле! Миллион ирландцев, питавшихся одним, или почти, одним только, картофелем, отправились тогда на тот свет, а два миллиона были переброшены за океан. Когда арабы научились дистиллировать алкоголь, то им во сне не снилось, что таким путем они создали одно из главных орудий, при помощи которого туземные обитатели тогда еще неоткрытой Америки впоследствии будут стерты с лица земли. А когда Колумб открыл эту Америку, он не знал, что этим путем он вновь вызовет к жизни давно уже уничтоженное в Европе рабство и создаст почву для торговли неграми. Люди, работавшие в 17 и 18 веке над созданием паровой машины, не предчувствовали, что они создают орудие, которое лучше всякого другого способно революционизировать общественное состояние всего мира, что в Европе, посредством концентрации богатства на стороне меньшинства и обнищания громадного большинства, оно сначала доставит социальное и политическое господство буржуазии, затем вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, которая может кончиться только падением буржуазии и уничтожением всех классовых противоречий. Но и в этой области мы постепенно научаемся выяснять себе косвенные, более отдаленные, последствия нашей продуктивной деятельности; это достигается путем долгого жестокого опыта и через сопоставление и исследование исторического материала. Таким образом, мы получаем возможность регулировать и подчинить себе эти действия.

Но чтобы осуществить это регулирование, недостаточно одного только познания этих действий. Для этого

необходим полный переворот существующего у нас до сих пор способа производства, а с ним и всего теперешнего общественного строя.

Все донныне существовавшие способы производства сводились к достижению ближайшего непосредственного полезного эффекта труда. Дальнейшие действия и следствия, наступающие лишь позже и заметные лишь благодаря постепенному повторению и накоплению, не принимаются во внимание. Первобытная общинная собственность на землю соответствовала, с одной стороны, той ступени развития людей, когда их кругозор был ограничен, вообще, только ближайшим, пределами своего прихода, а с другой стороны,—существованию избытка годной к культуре земли, который парализовал возможные дурные последствия такого первобытного хозяйства. С исчезновением этого избытка погребло и общинное пользование землей. Все же высшие формы производства имели своим следствием разделение общества на различные классы, а вместе с тем,—и антагонизм между господствующими и поработченными классами; благодаря этому, интересы господствующего класса стали единственным побудительным стимулом производства, поскольку оно не ограничивалось созданием продуктов, крайне необходимых для поддержания жизни угнетенных. В самом совершенном виде это проявляется при господствующем теперь в Западной Европе капиталистическом способе производства. Те отдельные капиталисты, которые управляют производством и обменом, могут заботиться только о непосредственном полезном результате своих действий. И даже этот полезный эффект—поскольку дело идет о пользе произведенного или обменного предмета,—совершенно отступает на задний план; прибыль, получаемая при продаже, становится единственным побудительным мотивом.

Ради полноты мы помещаем также заключительную страницу первого наброска, о котором говорим в предисловии.

Социальная наука буржуазии, классическая политическая экономия, занимается преимущественно только непосредственным влиянием человеческой деятельности, на-

правленной на производство и обмен. Это соответствует той общественной организации, теоретическим выражением которой является эта наука. Там, где отдельные капиталисты производят и обменивают только ради получения непосредственной прибыли,—прежде всего могут быть приняты во внимание только ближайшие, непосредственные результаты. Если отдельный фабрикант или купец продал произведенный или закупленный товар с обычной прибылью, то он доволен, и его совершенно не интересует, что станет потом с товаром и его покупателем. Также обстоит дело и с влиянием на природу человеческих действий. Испанским колонистам на Кубе, которые выжигали леса на склонах гор и пользовались золой, как удобрением для одного поколения очень доходных кофейных деревьев,—не было дела до того, что тропические ливни затем смывают не укрепленный чернозем и оставят лишь голые скалы. По отношению к природе, как и к обществу, в современном способе производства считаются, главным образом, только с первым, непосредственным результатом—и после этого еще удивляются, что более отдаленные последствия направленной на производство деятельности бывают совсем другие, по большей части, совсем противоположные; что, например, гармония между спросом и предложением превращается в ее диаметрально противоположность, как это показывает десятилетний индустриальный цикл, и как это пережила Германия в виде прелюдии во время „краха“. Неудивительно и то, что частная собственность, основанная на личном труде, необходимо приводит к лишению собственности рабочих, между тем как богатство все более и более сосредоточивается в руках нетрудящихся, что...

Здесь рукопись обрывается.

ОТРЫВКИ О ДАРВИНИЗМЕ

Дарвин из своих научных путешествий вынес мнение, что виды растений и животных не постоянны, но изменчивы. Чтобы развить далее эту мысль у себя дома, ему не оставалось лучшего поля для наблюдений, как искусственное разведение животных и растений. Именно в этом отношении Англия является классической страной: работы в других странах, например, в Германии, не могут дать даже приблизительного масштаба того, что достигнуто в Англии по части искусственных разведений; при этом большая часть достигнутых успехов в этой области относится к последнему столетию, так что констатирование фактов представляет мало затруднений. По наблюдениям Дарвина, эта культура вызвала искусственно в животных и растениях одного и того же вида различия более значительные, чем те, которые имеют место у видов, всеми признанных различными. Таким образом, с одной стороны, была до известной степени доказана изменчивость видов, а с другой—возможность существования общих предков для организмов, обладающих различными видовыми признаками. Затем Дарвин исследовал, нельзя ли найти в самой природе такие причины, которые должны были самостоятельно вызывать в живых организмах изменения, подобные тем, которые достигаются путем искусственного размножения. Он, с этой целью, исследовал причины несоответствия между громадным числом создаваемых природой зародышей и незначительным количеством достигших фактической зрелости организмов. Так как каждый зародыш стремится к развитию, то необходимо возникает борьба за существование, которая проявляется не только в виде непосредственной физической борьбы или пожирания, но и в виде борьбы за пространство и свет, замечаемой даже у растений. Он убедился, что в этой борьбе те индивиды имеют наибольшие шансы созреть и размножиться, которые

обладают какой-либо, хотя бы и совсем незначительной, но выгодной в борьбе за существование индивидуальной особенностью. Эти индивидуальные особенности, по его мнению, имеют тенденцию передаваться по наследству, а если они выступают* у нескольких индивидов того же вида, то могут усиливаться в однажды принятом направлении, благодаря повторному наследованию. Наконец, он пришел к заключению, что индивиды, не обладающие этим свойством, легче погибают в борьбе за существование, чем другие, более к ней приспособленные, и что таким образом происходит изменение вида путем естественного отбора, т. е. переживания приспособленнейших. Дюринг, возражая против теории Дарвина, указывает на то, что сам Дарвин однажды признался, что происхождение идеи борьбы за существование следует искать в обобщении взглядов теоретика народонаселения—Мальтуса⁸⁾. В виду этого, г. Дюринг замечает, что названная теория обладает всеми теми недостатками, которые свойственны богословско-мальтусовским воззрениям на избыточность народонаселения.— Между тем, Дарвину вовсе не приходило в голову говорить, что происхождение идеи борьбы за существование следует искать у Мальтуса. Он только говорит, что его теория борьбы за существование есть теория Мальтуса, примененная ко всему миру растений и животных. И как бы ни был велик промах Дарвина, наивно принимавшего, без оговорок, учение Мальтуса, все же каждый должен отлично понимать, что не требуется мальтузианских очков, чтобы усмотреть в природе борьбу за существование—противоречие между бесчисленным множеством зародышей, которые расточительно творит природа, и незначительным количеством тех из них, которые, вообще, могут достичь зрелости; противоречие, которое в действительности разрешается—местами крайне жестоко—борьбой за существование. И подобно тому, как закон заработной платы сохранил свое значение после того, как давно уже отвергнуты мальтузианские доводы, которыми его обосновал Рикардо, точно также и теория борьбы за существование в органическом мире может существовать помимо мальтузианского ее толкования. Впрочем, и организмы в природе имеют также свои законы населения, которые еще совершенно не исследованы; их открытие, несомненно, будет

иметь решающее значение для учения о развитии видов. А кто и в этом направлении дал решительный толчек? Не кто иной, как Дарвин.

(Фридрих Энгельс. „Философия. Политическая экономия. Социализм“ (Анти-Дюринг). Перев. с нем.)

Старый метод исследования и мышления, который Гегель называл метафизическим, который имел дело преимущественно с предметами, как с чем-то совершенно готовым и законченным, и остатки которого до сих пор еще глубоко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо было сперва узнать, что такое данный предмет, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы—и мертвые и живые,—как готовые и раз-навсегда законченные, выросла старая метафизика, принимавшая их за неизменные. Когда же изучение отдельных предметов подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т.-е. приступить к систематическому исследованию тех перемен, которые происходят в этих предметах, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. До конца последнего столетия естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах, в нашем же веке (XIX) оно стало наукой, вносящей порядок, наукой о явлениях природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое. Физиология, которая исследует явления, имеющие место в растительном и животном организме; эмбриология, наблюдающая развитие отдельного организма из зародышевого состояния до зрелости; геология, изучающая постепенное образование земной коры,—все эти науки суть дети нынешнего (XIX) столетия.

Познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе особенно далеко ушло вперед, благодаря трем великим открытиям.

Во-первых, благодаря открытию клеточек, этих единиц, из дифференциации и сочетания которых развиваются растительные и животные организмы. Это открытие не только убедило нас, что развитие и рост всех высших организмов подчиняется одному общему закону, но показав способность клеточек к изменению, оно обозначило также путь, ведущий к видовым изменениям организмов, изменениям, вследствие которых организмы развиваются не только как отдельные особи.

Во-вторых, благодаря открытию превращения энергии, показавшему, что все, так называемые, силы, действующие прежде всего в неорганической природе: механическая сила и ее дополнение, называемое потенциальной энергией, теплота, лучистость (свет и лучистая теплота), электричество, магнетизм, химическая энергия, — представляют собою различные формы проявления всемирного движения формы, которые переходят одна в другую в известных количественных отношениях, так что, когда исчезнет известное количество одной, на ее место является определенное количество другой, и все движенье в природе сводится к непрерывному процессу превращения одной формы в другую.

Наконец, в-третьих, благодаря впервые представленному Дарвином связному доказательству того, что окружающие нас теперь организмы, не исключая человека, явились в результате длинного процесса развития из немногих; первоначально одноклеточных зародышей, а эти зародыши, в свою очередь, образовывались из возникшей химическим путем протоплазмы.

Вследствие этих трех великих открытий и прочих успехов естествознания мы можем теперь обнаружить не только ту связь, которая существует между явлениями природы в отдельных ее областях, но, говоря вообще, также и ту, которая объединяет эти отдельные области.

Таким образом, данные, добытые эмпирическим естествознанием, позволяют нам составить довольно систематическое изображение природы, как одного связного целого. Подобные изображения составлялись прежде, так называемой, философией природы, которая заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеаль-

---

ной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало было также наговорено и вздора. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, т. е. с точки зрения их собственной взаимной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени „систему природы“, и когда сознание диалектического характера этой связи насильно проникает даже и в метафизические головы естествоиспытателей,—теперь философия природы погребена на веки. Всякая попытка откопать ее не только была бы излишней, но означала бы шаг назад.

Но то, что применимо к природе, понятой теперь, как исторический процесс развития, применимо также ко всем отраслям истории общества и ко всей совокупности наук, занимающихся человеческими (и божескими) предметами. Подобно философии природы, философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи явлений, обнаруживаемой самими явлениями, занимала связь, измышленная философами; что на историю, и в ее целом, и в отдельных частях, смотрели, как на постепенное осуществление идей,—разумеется, любимых идей каждого данного философа. С этой точки зрения выходило, что история бессознательно, но необходимо вела к исполнению известной идеальной, заранее поставленной цели: у Гегеля, например, такою целью являлось осуществление абсолютной идеи: неуклонное стремление к ней составляло, по его мнению, внутреннюю связь всех исторических событий. На место действительной, еще не известной связи, ставилось, таким образом, новое бессознательное или постепенно достигающее сознания, таинственное провидение. Здесь надо было, значит, совершенно так же, как и в области природы, устранить вымышленную искусственную связь явлений посредством указания их истинной связи. А эта задача, в конце концов, сводилась к открытию тех общих законов движения, которые действуют в истории человеческого общества.

(Фр. Энгельс. «Людвиг Фейербах». Перевод

Г. В. Плеханова.)

Для метафизики вещи и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Метафизик мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из: „да-да, нет-нет; что сверх того, то от лукавого“. Для него вещь существует или не существует: для него предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие также совершенно противоположны друг другу. Этот способ мышления потому кажется нам на первый взгляд вполне верным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится пуститься в далекий путь исследования. Точно также и метафизическое мирозерцание, вполне верное и необходимое в известных, более или менее, широких областях, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми оно становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за предметами оно не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не видит их движения, за деревьями не видит леса. Мы, например, в обыденной жизни можем с уверенностью сказать, существует ли данное животное, или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени запутанный вопрос, трудности, которого прекрасно известны юристам, тщетно пытавшимся открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери можно считать убийством. Невозможно также точно определить и момент смерти, так как физиология показывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень медленно совершающийся процесс. Всякое органическое существо в каждое данное мгновение таково же, каким оно было в предыдущее, и вместе с тем, не таково. В каждое мгновение оно перерабатывает получаемое им извне вещество и выделяет из себя другое вещество, одни кле-

---

точки его организма вымирают, другие нарождаются, так что спустя известный период времени вещество данного организма вполне обновляется, заменяется другим составом атомов; вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. Точно также, при более точном исследовании мы находим, что оба полюса какой-нибудь противоположности—положительный и отрицательный—столь же не отделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что представление о причине и следствии имеет значение лишь в применении к отдельному явлению, но, рассматривая то же явление в его общей мировой связи, мы убеждаемся, что эти два представления соединяются и переходят в представление о всемирном взаимодействии, в котором причина и следствие постоянно меняются местами и то, что теперь в данном месте является следствием, то в ином месте или в иное время будет причиной и наоборот.

Все эти явления и приемы исследования не вмещаются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, которая берет вещи и их умственные отражения, главным образом, в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, такие явления, как вышеприведенные, напротив, подтверждают лишь ее собственный метод. Природа есть пробный камень диалектики, и современное естествознание, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал, тем самым доказало, что в природе, в конце концов, все совершается диалектически, а не метафизически, что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь, прежде всего, следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, также и человек, суть продукты процесса развития длившегося миллионы лет. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечесть естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то это противоречие добытых научных результатов с вышеизложенным метафизиче-

---

ским способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учеников, так и учителей, как писателей, так и читателей.

(Фр. Энгельс. „Развитие социализма от утопии к науке“. Пер. В. Засулич).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наука не имеет достоверных сведений о том, где находится то место, которое служило первоначальной родиной человека. И относительно какой угодно из ныне живущих животных форм мы не можем угадать даже места ее развития. Каким же образом мы могли бы стать в лучшее положение в отношении человека? Облик земли, со времени раннего третичного периода, сильно изменился. Проваливались континенты, и взгромождались горы, такие как Альпы или Гималаи. Климат, животный и растительный мир подверглись таким перетасовкам, что лишь малые перспективы представляют для того, чтобы отыскать место перехода обезьяны в человеческое состояние или указать на таковое, в случае, если это место омывается волнами океана.

Все - таки открытие человеко - обезьяны на острове Яве и ряд других фактов, добытых наукой сравнительно недавно, дает нам некоторое основание считать, что родиной человека служило место с теплым климатом, и что там отсутствовали первобытные леса. При этом факты эти приводят многих выдающихся ученых к мнению, которое как раз согласуется с мнением Энгельса, что первоначальная родина первичных людей находилась „на каком-то большом материке, погрузившемся теперь на дно Индийского океана“.

2. Дарвин также указал нам факторы обезволосяния тела. Между прочим, оказывается, что обезволосяние тела в женском поле предпочиталось или закреплялось отбором, а затем было перенесено и на мужской пол, благодаря унаследованию.

3. Как видно, по Энгельсу, труду принадлежит решающая роль в выработке могущественнейшего фактора развития—членораздельной человеческой речи. Этот взгляд блестяще подтверждается данными из области языкознания, работами ученых (Гейгера, Макса Мюлера, Нуаре и др.), которые ничего общего не имеют с историческим материализмом. Макс Мюлер в результате своих исследований пришел к заключению, что „мышление есть речь минус звук“, т.-е., из этих двух явлений речь есть первичное, мышление—производное. Мышление представляет собой ту же речь, только ослабленную, сокращенную в своих проявлениях. Никакое понятие невозможно без слова, которое его выражает. И неудивительно, что очень часто у сильно задумавшегося человека напряженный процесс размышления невольно и почти бессознательно вырывается в виде слов: человек, по обычному выражению, „думает вслух“. Знаменитый русский физиолог Сеченов это выразил так: „мысль есть рефлекс, прерванный на двух третях“.

Мышление детей развивается вместе с языком, который они получают от общения с другими. Если бы новорожденный ребенок мог вырости безо всякой человеческой помощи, он без сомнения оставался бы немым до тех пор, пока не появилось какое-либо существо, благодаря присутствию которого у

него могло бы пробудиться стремление к общению. Мышление наше имеет социальную основу. В. фон-Гумбольдт, первый выяснивший этот вопрос, сказал: „Человек понимает себя только тогда, когда он на опыте убедился в понятии своих слов другим людям“. Таким образом, речь представляет собой „образующий орган человеческой мысли“.

Что же касается роли труда в происхождении речи, то это прекрасно было выяснено гениальными филологами Лазарем Гейгером и Людвигом Нуаре. Оказалось, что все огромное богатство слов языка произошло из гораздо меньшего числа элементов - корней, и что эти корни по существу заключают в себе только глагольные понятия. Обозначения предметов возникли, следовательно, из обозначения действий. И таким образом, в первобытной речи, — а значит и в первобытном мышлении, — содержание человеческого опыта выступает, как мир действий.

Гейгер пишет по этому поводу: „Если мы рассмотрим снова все громадное количество исследованных нами понятий, то увидим, что в начальной стадии все они сводятся к очень ограниченному кругу человеческих движений. Этим и объясняется тот факт, что понятия предметов внешней природы складываются таким удивительным окольным путем из наблюдений над человеческой деятельностью. Поэтому дерево есть нечто „облупленное“, земля „растертая“, растущий на ней зерновой хлеб — „вышелушенное“.

Еще яснее выражается Нуаре: „Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытной работы наших предков“. Развивая далее эту замечательную мысль, Нуаре указывал на то, что первоначально язык обозначает предметы объективного мира, не как имеющие известный образ, а как получившие таковой, не как активные, оказывающие известное действие, а как пассивные, подвергающиеся действию. И он поясняет это тем справедливым соображением, что „все предметы входят в поле зрения человека, т.е. делаются для него вещами лишь в той мере, в какой они подвергаются его воздействию, и сообразно с этим они получают свои обозначения, т.е. имена“. Короче, человеческая деятельность, по мнению Нуаре, дает содержание первоначальным корням языка.

4. Если какое-нибудь животное попадает в новую местность, отличающуюся от его прежнего места обитания, то оно обыкновенно приспосабливается к новым условиям жизни, реагируя на них своим собственным телом в смысле различного противодействия неблагоприятным явлениям природы. Если животное попадает из теплых стран в более холодные, то у него постепенно появляется густой волосной покров, как это прекрасно видно на примере тропических животных, находящихся в зоологическом саду Гагенбека в Штетлингене около Гамбурга. Обратное перемещение животного из холодных в более теплые области вызовет некоторое уменьшение волосного покрова. Но человек уже не обладает этой способностью реагировать своим телом на различные условия жизни. Хотя он и обладает, сравнительно со всеми другими животными, наибольшей способностью приспособления к самым разнообразным жизненным условиям, однако, он обязан своей победой над природой и над большей частью земной поверхности отнюдь не своему телу, а совершенно иному „орудию“; вместо недостающего ему естественного орудия, он изобрел искусственное.

К изобретению искусственных орудий наши далекие предки были приведены неблагоприятными условиями их жизни. Какие громадные результаты должно было дать уже одно переселение первобытного человека в соседство с более сильными животными, которых нельзя уже было победить одной только рукой и бессильными челюстями. Совершенно безразлично, попал ли человек по собственной воле в эту новую опасную область, оказавшуюся для него столь важной, или же новые враги проникли сами в первоначальную область его обитания. Первое употребление камня и палки было инстинктивным и даже, может быть, рефлективным; лишь позднее борьба велась с возрастающей сообразительностью и более усовершенствованным оружием. И вместо недостающих сильных органов для копания, сверления, скобления, трения, царапанья и пр., он изобрел искусственные орудия. Взамен исчезнувшего волосяного покрова, он изобрел одежду и весьма разнообразные украшения, которыми мог свободно заменить временные или постоянные украшения животных: ярко украшенные перья или чешуйки, рога, гребни и т. д. Наконец, гнездо он превратил в дом.

5. Основная ошибка идеализма заключается в том, что он берет из идеи, т.-е. те мысли, понятия и представления, которые возникают и создаются в нашем уме, в нашей внутренней психической жизни, и придает им самостоятельное существование. Продукты нашей умственной деятельности переносятся в какой-то особый „потусторонний мир“, становятся отдельными от нас сущностями, первоосновой всех вещей, и по отношению к ним тот подлинный, действительный, реальный мир, в котором мы живем, становится иллюзорным, призрачным миром, незаслуживающим наших забот и нашего изучения. Таким образом, человек делает нового идола, кумира из продукта собственной мысли и воображения, и в этом отношении мало отличается от того дикаря, который, видя во сне своих умерших родных, считает, что Это их души являются к нему, и поклоняется этим душам, как богам. Поклонение душам предков, вера в самостоятельное существование души отдельно от тела, словом то, что считается анимизмом в истории религии, вполне родственно с идеализмом в философии. Собственно говоря, идеализм — это своеобразная философская религия буржуазии.

Идеализм считает, что идея, голове, развитию и деятельности мозга принадлежит вся заслуга в прогрессе культуры, что идеальные стремления вызывают и определяют потребности. Поэтому историки исходили в своих объяснениях исторических явлений не из экономических, материальных предпосылок, а из идеальных, духовных, считая, что движущей силой истории является идея. И неудивительно, что ученые стояли на такой именно точке зрения: этому способствует не только их классовая психология, но и профессиональное их положение. „Историк, как правильно заметил т. М. Покровский, по своему личному положению, человек умственного труда, интеллигент — это во-первых; а затем, если переходить к признакам более частным, он человек труда более письменного, литератор. Что могло быть естественнее для него, как принять умственный труд за главное в истории, а произведения письменности, от стихов и романов до философских трактатов и научных исследований, за основные культурные факты?.. Но этого мало: людьми умственного труда — и это тоже было довольно естественно — овладела та же

гордыня, которая диктовала фараонам их хвалебные надписи. Им стало казаться, что это они делают историю”.

6. Человек, главным образом, тем отличается от животных, что он развил в себе одну способность, которая отсутствует у животных. Эта способность заключается в умении переходить от конкретных представлений и образов воспоминания к составлению понятий и оперированию ими. Первые два вида психической деятельности наблюдаются и у животных; оно обладает умом, памятью, воображением и способностью суждения. Но способности мыслить без конкретных представлений—у животного нет.

7. Животное только пассивно приспособляет свой организм к окружающей природе. Человек же вступает с природой, с внешней средой в активные отношения, которые мы называем производством, и степень его развития обуславливается степенью развития производства.

„Человеческая история тем и отличается от естественной истории“, говорит Маркс, „что она сделана нами, другая же нами не сделана. Технология разоблачает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественные жизненные отношения и вытекающие из них духовные представления“. Труд есть прежде всего процесс, происходящий между природой и человеком, который регулирует и контролирует его. По отношению к данной природой материи он сам выступает, как сила природы. Он приводит в движение присущие его организму естественные силы, руки, ноги, голову, для того, чтобы присвоить себе материю в пригодной для него форме. Действуя на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу. Он развивает дремлющие в нем силы и делает себе подвластной работу этих сил“.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивают отличие труда человека от труда животного и придают огромное значение в этом различии целесообразной деятельности первого. „Паук продельвает операции, сходные с действием ткача“, пишет Маркс, „а пчела может пристыдить постройкой своих восковых ячеек любого архитектора. Но есть нечто такое, что с самого начала отличает самого плохого архитектора от самой лучшей пчелы: человек, прежде чем слепить ячейку из воска, уже построил ее в голове. В конце процесса труда получается результат, который в начале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет форму вещества, данного природой; он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель, которая, как закон, определяет его способ действия, и которой он должен подчинять свою волю. И подчинение это не является единоличным актом. Помимо напряжения тех органов, которые исполняют физическую работу, во все продолжение труда необходима целесообразная воля, проявляющаяся во внимании, и она необходима тем более, чем менее труд по своему содержанию и по способу исполнения увлекает рабочего, чем меньше рабочий наслаждается им, как свободной игрой своих физических и духовных сил“.

8. Богослов и политико-эконом Мальтус выставил положение, согласно которому люди имеют тенденцию размножаться в геометрической прогрессии в то время, как количество предметов первой необходимости растет лишь в арифметической прогрессии, т.е. гораздо медленнее. Легко возникающе⁹

вследствие этого перенаселение ведет к нищете, болезням и повышению смертности, которая снова приводит население и количество предметов первой необходимости к равновесию. Таким образом, по Мальтусу, нищета не результат господствующей системы частной собственности и вытекающего отсюда неравномерного распределения благ, а следствие естественных законов всякого общественного строя: так всегда было и так всегда будет. Вывод отсюда, конечно, тот, что капиталистический строй, как таковой, не ответственен за нищету масс и должен поэтому остаться неприкосновенным. Это положение, совершенно неверное для человеческого общества, приложимо к животному и растительному царству, и оно-то послужило исходным пунктом или, точнее, полезным намеком для кропотливых работ Дарвина о происхождении видов. При этом Дарвин, будучи совершенно бескорыстным исследователем научной истины, указал на социальные инстинкты и общественную жизнь, как на могучие средства в борьбе за существование.

Г. А. ГУРЕВ (ГУРЕВИЧ)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

Марксизм есть дарвинизм в его
применении к общественному.

Г. В. Плеханов

Учение Маркса—дитя буржуазной
науки, но рождение этого дитяти сто-
ило матери жизни.

Роза Люксембург

- I. Значение учений Маркса и Дарвина.
- II. Чему учит дарвинизм ?
- III. Чему учит исторический материализм ?
- IV. Закономерность в науках о природе и науках об обществе.
- V. Материализм, как основа учений Маркса и Дарвина.
- VI. Утверждение причинности и изгнание божественности.
- VII. Борьба за существование, как фактор естественного и общественного развития.
- VIII. Экономический фактор развития в дарвинизме и историческом материализме.
- IX. Социальные инстинкты по дарвинизму и историческому материализму.
- X. Отношение общества к учениям Маркса и Дарвина.
- XI. Дарвинизм и коммунизм.
- XII. Исторический материализм, как пролетарская наука.
- XIII. Эволюция и революция.
- XIV. Место дарвинизма и марксизма в системе наук.

І. ЗНАЧЕНИЕ УЧЕНИИ МАРКСА и ДАРВИНА

Марксизм, являющийся основой для всего международного коммунистического движения, не является исключительно лишь политической теорией, учением, объясняющим задачи борьбы рабочего класса. Это учение, высказанное и разработанное великими мыслителями и учителями пролетариата, Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, представляет собой цельное, стройное мировоззрение, связанное представление об окружающем нас „внешнем“ мире, о нашей собственной „внутренней“ жизни и о всем человеческом обществе. Это—высшее объединение всего человеческого знания, выдвинутое и развиваемое новым революционным классом—пролетариатом, и построенное на данных науки. Марксизм насквозь революционен, резко враждебен идеологиям, выдвинутым паразитическими классами.

Особенное значение имеет для нас „исторический материализм“—метод марксизма в изучении человеческого общества, человеческой истории. Влияние „материалистического понимания истории“ не ограничивается пределами отдельной науки, ибо, затрагивая самые основные представления своего времени, оно совершенно революционизирует все общественное мировоззрение. Основные положения этого понимания истории с неподражаемой ясностью и сжатостью, всего на одной странице, были изложены Марксом шестьдесят четыре года тому назад, в январе 1859 г. в его знаменитом предисловии к книге „К критике политической экономии“. Маркс предпослал это предисловие своему анализу денег и товара, а на этом анализе позже он построил великую экономическую систему „Капитала“.

Из многочисленных приобретений науки 19 века только дарвинизм, по своему значению, может быть поставлен рядом с марксизмом. Как известно, Дарвин открыл главный закон развития всей жизни, всего органического мира,

---

Маркс же дал нам ключ к пониманию всего развития человечества. Замечательно при этом то, что главное сочинение Дарвина „Происхождение видов“, где он смело и последовательно излагает свое учение, появилось в ноябре того же года, когда вышла и упомянутая нами книга Маркса. Хотя эти книги появились независимо друг от друга, но это случайное совпадение как бы подчеркивает огромную революционную роль, которую они сыграли в наших взглядах на мир и на человеческое общество. К тому же, между этими двумя учениями, относящимися к столь отдаленным одна от другой областям человеческой мысли, можно найти много сходственных черт.

Родственные черты деятельности Дарвина и Маркса признавались уже некоторыми их современниками. Прошло более полувека влияния их идей—и то, что есть общего у обоих, выступает теперь ясно для всех.

В общей картине процесса развития, материалистическое объяснение истории Маркса составляет как бы продолжение естественной теории эволюции Дарвина и находится с ней во внутренней преемственной связи. Если дарвинизм показывает нам ход развития органической жизни до появления на земле человека, то исторический материализм изображает дальнейшее развитие человека от его обезьяноподобных предков до современного высококультурного состояния. Область исследования исторического материализма начинается с той отдаленной эпохи, когда действие голого естественного отбора уступило место целесообразной деятельности самого человека.

О Дарвине говорили, что он—„величайший революционер в современной науке, или, вернее, в науке всех времен“ (Уотсон), что „отрадно было видеть, как из затишья своей скромной рабочей комнаты в Дауэне он приводил умы всех мыслящих людей в такое движение, которому едва-ли найдется второй пример в истории“ (Рейлей). А в том грандиозном революционном движении, которое, исходя из убогой каморки Маркса в Лондоне, охватило не только „сознание“, но и „бытие“ всего человечества, может-ли сомневаться кто-нибудь в настоящий момент? Конечно, нет.

Приходили-ли эти два великие человека, которые в течение более 20 лет жили в таком близком соседстве (на расстоянии одного часа езды), и идеи которых, как ниже увидим, содержат так много сходства, в непосредственное общение? Мы имеем ряд свидетельств того, что Маркс изучал все произведения Дарвина. Так, напр., В. Либкнехт рассказывает из своих личных отношений с Марксом об его научном отношении к Дарвину следующее: „Маркс был одним из первых, понявших значение Дарвинова исследования. Еще до 1859 года, года выхода в свет „Происхождения видов“,—замечательно совпавшего с появлением Марксовой „Критике политической экономии“,—Маркс признавал за Дарвином значение пионера, который вдали от шума и толкотни большого города, в своем мирном имении подготавливал переворот, подобный тому, какой сам Маркс устраивал в бушующем центре мира, — и с тем только различием, что рычаг был приложен в другом месте. Особенно Маркс следил за всяким новым явлением в области естествознания,—включая сюда и физику, и химию, и историю; он знал о всяком их успехе. Мелешотт, Либих, Гексли, — с „Популярными статьями“ которого мы тщательно познакомились,—все это имена, которые в нашем кругу повторялись так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита, Мак-Куллоха, шотландских и итальянских экономистов. А когда Дарвин пришел к результатам своего исследования и обнародовал их, у нас в течение месяца ни о чем более не было речи, как о Дарвине и победоносной силе его научного завоевания“. Когда вышло второе издание нового тома „Капитала“, Маркс послал его Дарвину. Последний ответил следующим письмом: „Благодарю вас за оказанную мне честь, выразившуюся в присылке мне вашего великого труда „Капитал“. От всего сердца желал бы, чтобы более основательное понимание глубоких и важных вопросов общественной экономии делало бы меня более достойным этого подарка. Хотя области наших исследований так далеки одна от другой, я все же убежден, что мы оба одинаково стремимся распространять знание, и это знание, в конце концов, послужит на благо человечества. Уважающий вас и преданный Чарльз Дарвин“.

Как видно из этих слов, Дарвин считал „Капитал“ Маркса великим произведением, но сопоставляя личности Маркса и Дарвина, мы все-таки можем сказать, что громадное преимущество было на стороне Маркса. В то время, как Маркс сумел оценить огромное историческое значение труда Дарвина, последний далек был от того, чтобы в достаточной степени знать, кто такой был Маркс и каково значение его творчества.

Между тем с полным правом гениальный Энгельс, который сыграл огромную роль в зарождении и разработке принципов марксизма и который лучше всего мог оценить своего друга, вспомнил о Дарвине, когда он захотел краткими, но сильными штрихами очертить великую научную работу, произведенную Марксом: „Как Дарвин открыл закон развития органической природы,—так Маркс открыл законы развития человеческой истории: тот, до сих пор замаскированный идеологическим покровом, элементарный факт, что людям приходится непременно есть, пить, устраиваться в жилище и покрывать одеждой свое бренное тело, чтобы иметь возможность заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что таким образом производство непосредственных материальных средств существования и, следовательно, экономическая ступень развития данного народа или данной эпохи является почвой на которой развиваются те или иные государственные формы, правовые воззрения, формы искусства и даже религиозные взгляды людей; что все эти формы и воззрения подлежат объяснению свойствами этой почвы, а не наоборот, как это делалось до сих пор“. Действительно—„простая“ мысль—такая „простая“, как и все, вообще, идеи, открывающие человечеству новые горизонты.

Настоящая статья имеет целью не изложение учений Маркса и Дарвина, а главным образом, сопоставление этих учений, проведение между ними некоторых параллелей. При этом я буду иметь в виду не все учение Маркса и Энгельса, не весь марксизм (или иначе—диалектический материализм), а более всего, одну его часть, наиболее известную сознательным рабочим—исторический материализм.

II. ЧЕМУ УЧИТ ДАРВИНИЗМ?

Дарвин и Маркс ввели в науку эволюционизм—принцип развития. Первый это сделал для науки о жизни, или биологии, а второй для социологии, или науки о человеческом обществе. При этом не только было доказано непрерывное изменение и развитие всего органического мира и человеческого общества, но и был открыт основной закон этого развития. А это, как уже сказано, оказало весьма важное влияние на наше мировоззрение. Правильно выразился один из наиболее выдающихся дарвинистов Эрнст Геккель, что „в борьбе за истину, теория последовательного развития играет роль тяжелой артиллерии“.

До Дарвина ученые и философы особенно сильно удивлялись разнообразию форм жизни и их целесообразному устройству, их приспособленности к условиям своей жизни, к окружающей обстановке. Все были убеждены, что органический мир представляет нечто постоянное, не меняющееся с течением времени, что каждый вид животного или растения, так же, как и человеческий род, сразу появился в готовой форме и вечно сохраняет свой облик. А это чуть ли не неволью заставляло человека стать на точку зрения библейского представления, признавать необходимость „творца“, чудесного „мастера“ всех этих изумительных живых существ с их необыкновенными свойствами и приспособлениями.

Дарвин объяснил естественными, простыми причинами разнообразие видов растений и животных и их приспособленность к условиям своей жизни. Он показал, что виды изменчивы, что одни виды животных и растений могут под влиянием жизни в определенных условиях переходить в другие виды. Таким образом, из нескольких простейших организмов возник после очень долгого развития весь разнообразный современный органический мир.

Всем своим внутренним и внешним устройством животные и растения приспособлены к жизни, которую им приходится вести, но дети никогда в точности не воспроизводят родителей, они отличаются от них незначительными признаками; точно также потомство одной пары

никогда не бывает все одинаково. При этом животные и растения размножаются гораздо быстрее, чем средства для их пропитания. Ясно при этом, что огромная масса их не выживает и должна гибнуть. Ведь если бы живые существа не погибали, то наша земля скоро была бы покрыта многочисленным потомством каждой пары родителей. Нетрудно вычислить, что, если бы сохранилось все потомство, напр., одного одуванчика, т. е. ветер разнес бы все его семена, и каждое дало бы начало растению, то десятому поколению было бы тесно на земле. Таким образом, на каждый сохраняющийся организм гибнут миллионы, и гибнут, конечно, те, у которых организм менее всего приспособлен к условиям существования, у которых меньше силы, ловкости, хитрости, у кого нужные органы слабо развиты. Наоборот, если у какого-либо живого существа даже случайно или же под влиянием окружающих условий, климата, почвы, пищи и т. д. образуется какое-либо отклонение в организме, появится или разовьется новый полезный орган, то у такого живого существа будет лишний шанс уцелеть в жизненной борьбе. Оно будет продолжать жить и даст потомство, передавая и ему по наследству свои благоприобретенные свойства, свои полезные уклонения и, в конце концов, образует новую форму, новый вид. Это выживание наиболее приспособленных, наиболее удачных называется естественным отбором, а конкуренция между более приспособленными и менее приспособленными—„борьбой за существование“.

Как видно, каждый организм в каждый момент своего существования находится под давлением всех остальных организмов, готовых у него оспаривать каждую пядь земли, каждый луч солнца, каждый кусок пищи. „Над каждым существом—говорит наш выдающийся ученый-дарвинист, покойный К. Тимирязев—постоянно висит вопрос „быть или не быть“, и сохраняет оно свое право на жизнь только под условием—в каждое мгновение своего существования быть совершеннее своих соперников. Итак, в этом состязании, в этой борьбе за существование решающим обстоятельством является собственное совершенство состязающихся; никакое другое условие

немыслимо; значит, результатом этого процесса будет неизбежное сохранение наиболее совершенного, т. е. отбор. Отбор без отбирающего лица, самодействующий, слепой и безжалостный, работающий без усталы и перерыва в течение несметных веков, отбирающий одинаково и крупные, и внешние особенности, и самые ничтожные подробности внутреннего строения—под одним только условием, чтобы они были полезны для организма; естественный отбор—вот причина совершенства органического мира; время и смерть—вот регуляторы его гармонии“.

Этот процесс по необходимости приводит к превращению видов, к тому, что новые виды животных и растений непрерывно развиваются из прежних. И в результате этого непрекращающегося процесса появился весь известный нам, столь богатый разными формами, мир животных и растений. При этом „сам“ человек, этот царь природы, имеет животное происхождение: он — только последняя, наивысшая ступень органической эволюции.

Итак, в природе происходит вечная борьба за жизнь, причем весь разнообразный мир животных и растений отличается такой приспособленностью и устойчивостью своих форм именно потому, что все неприспособленное погибло, не выдержало борьбы за жизнь. В этой крайне „простой“ мысли, собственно говоря, и заключается основа дарвинизма—закон эволюции.

Наука распространила эволюционизм также на наш земной шар, на солнечную систему и даже на атомы, самые мелкие крупинки материи. Вот почему наука в последнее время все более и более приходит к той мысли, что дарвинизм, как учение о законах развития живой природы, является учением еще более широким, более всеобъемлющим, которое дает ключ к пониманию всей истории мироздания, и может быть названо общей теорией развития материи.

III. ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ?

То, что Дарвин сделал в области изучения природы, совершенно независимо от его идей, сделал Маркс в области изучения человеческого общества в его прошлом и

настоящем. Он показал, что все важнейшие исторические события связаны строгой закономерностью и вызваны экономическими причинами. Именно: прогресс производства—вот что обуславливает собой весь ход исторического развития.

До Маркса ход истории понимался, как ряд событий, совершенных отдельными руководящими личностями, „великими людьми“. Поэтому не могло быть речи о причинах такого-то, а не другого хода истории: они—в личных свойствах вождей, в проводимых ими идеях. Всем казалось, что „разум“ способен управлять человеческим обществом, развивать его в ту или иную сторону сообразно своему желанию, но никто не знал, откуда берутся идеи, и почему одни идеи осуществляются в человеческом обществе, а другие остаются пустыми фантазиями. Только благодаря Марксу, мы узнали силу, вызывающую общественное развитие и независимую от воли и разума отдельных людей. Только благодаря ему мы открыли действительные законы истории.

Маркс не требовал доказательств того, что существует общественное развитие, что происходят социальные перемены. Ведь все знали, что с давних пор новые формы общественного устройства занимали место старых, но не была известна причина и направление этого развития. В своей теории, Маркс прежде всего обнаруживает причины общественных изменений, и поэтому он начинает с политических революций. Все знали, что великая политическая революция, давшая Европе определенное направление—французская революция,—была борьбой за власть, которую вела буржуазия против дворянства и духовенства. В Англии политическую борьбу вели капиталисты-фабриканты против земельных собственников, причем одновременно рабочий класс восстал против буржуазии. Какие это были классы, чем отличался один от другого? Маркс доказал, что классовые противоречия были вызваны ролью, которую каждый класс играл в производственном процессе. Классы ведут начало из производственного процесса и этот именно процесс и определяет классовую принадлежность каждого. Производство есть ничто иное, как процесс коллективного труда, при помощи

которого люди добывают себе средства к существованию, т. е. борются с природой. Ничто иное, как производство материальных средств жизни, строит форму общественности, дает направление политической и общественной борьбе и, вообще, движение, — „толкает“ историю.

Способ производства не есть нечто застывшее: он непрерывно изменяется с течением времени. Откуда же взялось это изменение? Род труда и отношение одного класса к другому зависит от средств производства, от развития техники и, вообще, от состояния производительных сил. В средние века люди употребляли простейшие орудия, они имели тогда малоразвитую промышленность и феодализм, а теперь мы имеем капитализм и машинное производство. Это и является главной причиной того, что в то время феодальное дворянство и мелкая буржуазия были двумя главными классами, тогда как теперь такими классами является буржуазия и пролетариат.

Таким образом, главной причиной развития общества является именно развитие производительных сил, т. е., прежде всего, развитие орудий, которыми люди пользуются при работе. Ясно, что люди стараются с каждым разом усовершенствовать эти орудия так, чтобы им было легче работать, и чтобы работа была улучшенной, а практикой, которую они набирают, употребляя эти орудия, довести производство до высокой степени усовершенствования. Соответственно развитию техники и навыков в производстве развиваются также формы общественного труда, а это ведет к новому соотношению классов, к новым общественным установлениям и к созданию новых классов. Одновременно происходит социальная, т. е. классовая, т. е. политическая борьба. Те классы, которые держали власть при старом способе производства, стараются всякой ценой удержать старые учреждения, старые порядки, в то время как новые, революционные классы стараются ввести в жизнь новые способы производства. Поэтому начинается борьба класса угнетенного против господствующего, и класс угнетенный, одерживая победу над господствующим, тем самым пробивает путь дальнейшему свободному развитию техники.

Таким образом, Маркс открыл движущую силу, „пружину“ общественного развития и показал нам, что история не есть нечто незакономерное, и что разные общественные формы не есть результат какого-нибудь случая, а что в ней царствует определенная закономерность, что в ней есть определенное развитие в данном направлении. Эта теория, называемая историческим материализмом или „материалистическим пониманием истории“, доказывает также, что развитие общественности не кончается нынешней формой общественной жизни, а будет дальше развиваться, потому что развивается техника.

В упомянутом нами знаменитом предисловии к сочинению „К критике политической экономии“, Маркс в следующих словах формулирует сущность главных, основных положений исторического материализма: „Тот общий результат, к которому я пришел, и который затем служил руководящей нитью для моих исследований, можно вкратце формулировать следующим образом: в общественном производстве люди вступают в определенные, необходимые, независимые от их собственной воли, отношения, в производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, ту реальную основу, на которой поднимается юридическая и политическая надстройка, и которой соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает весь социальный, политический и духовный жизненный процесс. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, общественное их бытие определяет их сознание. На определенной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, если выбрать для этого юридическое выражение, с теми имущественными отношениями, в пределах которых эти производительные силы вращались до сих пор. Будучи в начале формами развития для этих производительных сил, эти отношения становятся их оковами. И тогда наступает эпоха социаль-

ной революции. С изменением экономической основы радикально изменяется, медленно или быстро, вся огромная надстройка. При рассмотрении таких переворотов нужно постоянно различать между материальным переворотом в экономических условиях производства, поддающимся точному констатированию, с точностью естественных наук, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом идеологическими формами, в которых люди сознают и изживают этот конфликт. Как нельзя оценивать человека по тому мнению, которое он сам имеет о себе, точно также нельзя оценивать революционную эпоху по господствующему в эту эпоху сознанию; напротив, необходимо объяснить это сознание, как вытекающее из противоречий материальной жизни, из конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Никакая общественная форма не исчезает раньше, чем развились старые производительные силы, которым она удовлетворяет, и новые, высшие производственные отношения никогда не заступают ее места раньше, чем материальные условия их существования назрели в утробе старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда лишь такие задачи, которые оно в состоянии разрешить, ибо при ближайшем рассмотрении можно постоянно убедиться, что сама задача только там и выдвигается, где уже существуют материальные условия для ее разрешения или, по крайней мере, находятся в процессе созревания. Говоря вообще, и азиатский, и античный, и феодальный, и современный буржуазный способ производства можно признать прогрессивными эпохами экономической формации общества. Буржуазные производительные отношения представляют собой последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства, антагонистическую не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем и материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией и завершается пролог к настоящей истории человеческого общества“.

В этих немногих словах изложен закон движения человеческого общества с такой прозрачной глубиной и такой исчерпывающей ясностью, которая не имеет себе примера во всей литературе. Оказывается, что дух, сознание определяется общественным бытием, что общественное бытие заставляет мышление идти по определенным путям и оказывает решающее влияние на желания и действия личностей и классов. Вот почему мы можем определить исторический материализм, как такое понимание истории, при котором главное значение придается экономическому строю общества, и все исторические перемены объясняются влиянием материальных условий и потребностей человека. При этом приходится представить себе историю, не как мирное развитие, а как жестокую борьбу между общественными классами, которая сводится, в конечном счете, к борьбе за материальные блага и интересы. Словом, говоря словами Энгельса, „конечную причину всех общественных изменений и политических переворотов следует искать не в росте сознания, а в изменениях способа производства и обмена“.

Энгельс, в биографии Маркса, написанной в 1878 г. для народного календаря, в следующих выражениях излагает сущность материалистического понимания истории и его отличие от старых взглядов: „Все предшествующие воззрения основывались на том представлении, что конечные причины всех исторических изменений следует искать в изменяющихся идеях людей, и что из всех исторических изменений самыми важными, в свою очередь, являются политические, господствующие над всей историей. Никто не спрашивал, откуда приходят к людям идеи, и что является побудительной причиной политических изменений. Только в новейшей школе французских и отчасти английских историков стало прорываться то убеждение, что, по крайней мере, со времени средних веков, двигающей силой в европейской истории является борьба развивающейся буржуазии с феодальным дворянством из-за общественного и политического господства. Маркс доказал, что вся предшествующая история является историей борьбы классов, что в различных запутанных политических столкновениях дело идет только об общественном и политиче-

---

ском господстве классов общества, об утверждении господства более старых классов, и стремление к господству классов, возникших недавно. Но благодаря чему возникают и существуют эти классы? Благодаря материальным, грубо-чувственным условиям, при которых общество в данное время производит и обменивает предметы, служащие для поддержания его жизни. С этой точки зрения прежде всего объясняются все исторические явления при достаточно полном знании всего экономического положения общества, — знании, совершенно отсутствующем, конечно, у наших профессиональных историков; точно также из экономических условий существования и из обусловливаемых ими общественных и политических отношений данного периода, крайне просто объясняются представления и идеи всякой исторической эпохи. История в первый раз была поставлена на ее настоящий фундамент; затем, по очевидным, но до сих пор совершенно проглядываемым фактам, что люди раньше должны есть, пить, заботиться о жилищах и одеваться, следовательно, работать, чем они смогут спорить о господстве, заниматься политикой, религией, философией и т. д., — за этим очевиднейшим фактом теперь были, наконец, признаны его общественные права“.

Исторический материализм, таким образом, исходит из той „простой“ мысли, что материальные средства существования, или жизненные средства, играют главную роль в истории, что производство и накопление этих средств является главным стимулом деятельности как отдельного человека, так и всего человечества, и, следовательно, всего исторического движения. Поэтому известное старинное изречение: „меняются времена, а с ними меняемся и мы“, правильнее будет формулировать так: „меняются производства, а с ними меняемся и мы“. Таким образом, основная идея исторического материализма может быть выражена в такой формуле: историческое развитие есть прогресс производства, которым обусловливаются и определяются все прочие виды прогресса или изменения.

Заметим, что десятилетие, в которое созрели основные идеи дарвинизма и марксизма, было, вообще, временем чрезвычайно быстрого развития капитализма. Буржуазия,

---

довольная промышленным подъемом, все более расправляла свои крылья. Ее мыслители понемногу теряли свой идеалистический метод мышления и довольно прочно стали на почву действительности. Реализм царил в литературе и искусстве. Умственная жизнь образованного общества стояла под знаком естествознания, в разных областях которого были сделаны огромной важности открытия. На смену классической философии пришел естественно-научный материализм. И в это время триумфов естественно-научного метода возникли „К критике политической экономии“ Маркса и „Происхождение видов“ Дарвина. Эти произведения подчиняют две обширные области знания методу новейшей науки, разработанному в процессе развития естествознания и техники.

Маркс и Дарвин—оба шли под знаменем естествознания. Они оба расширили царство науки при помощи тех же методов, которые созданы и использованы до них основателями новейшей механики, физики и химии. Оба в естествознании видели прочную основу своих революционных учений, призванных встряхнуть до самой глубины и „сознание“, и „бытие“ всего человечества. Оба они утвердили идею закономерности всего сущего.

Рассмотрим этот вопрос немного подробнее.

IV. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И НАУКАХ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Наиболее распространенные классификации наук делят весь круг человеческого знания на две группы: на естественные науки и на, так называемые, „науки о духе“ или правильнее, науки общественные. Предмет естественных наук—это изучение законов движения живых и мертвых тел. Что же касается наук о духе, то они фактически являются науками общественными и исследуют взаимные отношения людей. Их предметом служат только те духовные акты и проявления людей, которые связаны с их взаимными отношениями.

Но и общественные науки могут быть также разделены на две группы. Первая из них охватывает науки, которые прежде, главным образом, интересовались отдель-

---

ной личностью и рассматривали положение и деятельность ее в обществе, как например, история, юриспруденция, или наука о праве, этика, или учение о нравственности и пр. Другая группа наук об обществе исследует человеческое общество, как таковое, на основании массовых явлений. К ним принадлежат: политическая экономия—учение о законах общественного хозяйства при господстве товарного производства; этнология—исследование различных общественных условий жизни различных народов; наконец, наука о доисторической жизни, или первобытная история—изучение общественных условий того времени, от которого не осталось никаких писанных документов. При этом, в то время, как первая группа социальных наук существует с незапамятных времен и всегда оказывала громадное влияние на мышление людей, вторая группа, напротив, в те годы, когда Маркс начал свои занятия, едва только обратилась к научным методам. Этой второй группой интересовались только специалисты, и они не имели никакого влияния на общее мышление, которое определялось естественными науками и социальными науками, принадлежащими к первой группе.

Между естественными и общественными науками существовала громадная пропасть, выразившаяся в противоположных мировоззрениях.

В самом деле, естествознание стремится всегда обнаружить необходимую, постоянно и повсеместно наблюдаемую связь явлений. И оно открыло в природе так много неизбежных закономерных явлений, т. е. оно столько раз констатировало, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия, что окончательно было доказано существование всеобщей закономерности в природе. Этим окончательно была изгнана из области естественных наук всякая божественность, всякое представление о таинственных, сверхъестественных силах, вмешивающихся по своему произволу в естественные процессы. И вместе с тем получилась возможность не только понять явления природы, осмыслить их, но и—что еще важнее—использовать на практике, подчинить их нашей воле. Совсем в другом положении находились социальные науки: в них господствовало представление о свободе человеческой воли, непод-

---

чиняющейся никакой закономерной необходимости. Юристы и этики были вынуждены крепко держаться за него, иначе они потеряли-бы почву под своими ногами. Ведь если отказать от идеи свободы воли, то придется заключить, что человек есть только продукт окружающих его условий, что его поступки и желания представляют необходимое следствие причин, не зависящих от его воли. Но в таком случае, что станется с грехом и наказанием, с добром и злом, с юридическим и нравственным осуждением?

История не считалась тогда наукой. Мыслители, получившие естественно-научное образование, тщетно старались проследить какую-нибудь закономерную необходимость в отдельных действиях общества. Они только могли утверждать, что человеческий дух, сознание, есть тоже часть природы и действует в рамках присущей ей необходимости, но они не могли доказать это с достаточной силой для всех областей человеческой психики — для социальных идей человека и его идеалов. Их естественно-научный метод оставался несовершенным, их мировоззрение — непоследовательным, двойственным.

Таким образом, сфера общественных явлений оставалась вне принципа закономерности, причинной обусловленности: здесь действовал как бы произвол и случай и, стало быть, оставалось еще место для внеприродного фактора, для божественности, сверхъестественных, „сверхнаучных“ объяснений. А это значит, что оставалась громадная непроходимая пропасть на пути к всеобъемлющему научному мировоззрению, которое принципом закономерности охватило бы все области мира и жизни, природы и общества. Ведь идея закономерности представляет собой основу всякой науки: это — то, что дает наука в своем выводе, в своем конечном синтезе.

Но вот пришли Маркс и Энгельс и уничтожили пропасть между естественно-научным и общественно-историческим мировоззрениями, между науками о природе и науками об обществе. Они ясно показали, что история и действующие в ней идеи и идеалы людей, их победы и поражения — являются только результатом борьбы классов. Но они заметили не только это. Классовые противоречия и борьбу классов в истории видели еще и до этих мысли-

---

телей, но на них смотрели в большинстве случаев, как на продукт невежества и злобы, с одной стороны, благородства и просвещения, с другой. Только Маркс и Энгельс вскрыли их необходимую связь с экономическими отношениями, закономерность которых, как это ими прекрасно было доказано, может быть легко выяснена. Но экономические отношения опять-таки зависят, в конечном счете, от меры господства человека над природой, от его знакомства с законами природы.

Только при определенных общественных условиях главным двигателем истории является борьба классов и в последнем счете, борьба с природой. Каким-бы своеобразным ни казалось общество в сравнении с остальной природой, мы находим все-таки, как в обществе, так и в природе, один и тот же тип движения и развития — путем борьбы противоречий, все снова возникающих из самого процесса развития.

Таким образом, благодаря трудам Маркса и Энгельса, общественное развитие было вдвинуто в рамки естественного развития, человеческий дух в его наиболее сложных и глубоких проявлениях, именно в социальных, был представлен, как часть природы, была доказана естественная закономерность его деятельности во всех областях.

Как правильно указывает Каутский, этим путем Маркс и Энгельс не только произвели переворот в исторической науке, но и заполнили пропасть между естественными и общественными науками, обосновали единство всего человеческого познания и сделали, таким образом, ненужной философию, поскольку последняя, как особая дисциплина, стоящая вне и над науками, старалась установить единство мышления в мировом процессе, единство, которое не могло быть доказано наукой.

Дарвин показал нам, как человек развился из животного царства, в качестве последнего звена органической эволюции. Маркс пошел дальше, довел до конца дело Дарвина, показав нам, каковы законы истории, законы человеческого общества. Иначе говоря: если Дарвину удалось решить вопрос о том, как происходят растительные и животные виды в борьбе за существование, то Марксу

удалось ответить на вопрос о том, как возникают различные виды общественной организации в борьбе людей за их существование. Логически исследование Маркса начинается как раз там, где кончается исследование Дарвина: марксизм изучает путь от первобытного человека-зверя до человека современной культуры и ближайший путь дальнейшего развития общества. Вот почему вместе с Плехановым можно сказать, что „марксизм есть дарвинизм в его применении к обществознанию“ (мы знаем, что хронологически это не так, но это не важно).

Дарвин посмотрел на вид „человека“, как на одну из фаз в законообразном развитии органической жизни. Маркс поставил себе и нам задачу исследовать, как из борьбы за существование человека в природе возникают отдельные проявления человеческой культуры—от непосредственной работы, направленной к поддержанию нашей жизни, до самых нежных форм искусства и науки, свободных от всяких экономических интересов, не служащих им, и все-же постоянно возникающих только из той конкретной психики социально-организованного человека, которая сложилась на определенной ступени развития рабочей силы и средств производства, т. е. орудий человечества в борьбе за его существование в природе. Происхождение человечества и его культурное развитие были поняты, таким образом, как часть всего мирового процесса.

Отто Бауэр, сопоставляя между собой понимание истории Маркса и учение о развитии Дарвина, говорит: „Дарвин, напр., показывает нам, как борьба за существование горцев должна породить совершенно иной человеческий тип, чем борьба за существование, которую приходится вести жителям равнины. Этот вывод относится ко всем ступеням производства. Наоборот, Маркс показывает нам, как борьба людей за существование изменяется с развитием производительных сил общества и производительных отношений; условия жизни горцев, которые пробуравливают горные массы и прокладывают сквозь горные вершины линии железных дорог, существенно отличаются от условий жизни их предков, которые были в состоянии перебираться через горы только с краю по крутой тропинке. Дарвин показывает нам органическую жизнь, вклю-

---

чая и человечество, как податливую массу, которую формируют внешние естественные условия существования; правда, и Маркс показывает нам человека, как „продукт условий“, но он показывает также, „что условия изменяются именно людьми“. В центре его системы стоит „преобразующая практика“, самодеятельность человеческого общества в процессе развития его борьбы за существование в природе. Это возвышает его понимание над уровнем биологического; он имеет дело с человеком уже не только, как с созданием природы, а вместе с тем и как с творцом своих собственных условий существования. Таким путем он приобретает в общественных волевых отношениях людей особый объект исследования. Но так как все волевые отношения людей,—включая сюда и те, что стоят совершенно вне борьбы за существование общества в целом,—могут быть понятны только, как продукты, как высшие формы тех психических сил, которые развиваются в людях при взаимных отношениях, слагающихся в свою очередь на почве борьбы за существование и общественного труда,—то человек все же остается объектом из мира природы, а развитие человеческой культуры—составной частью мирового процесса. Рассматривая человечество, не как податливый материал, который формируется природой, а разбирая волевые отношения людей друг к другу, Маркс создает науку об обществе, независимую от биологии; с другой стороны, сводя эти волевые отношения к отношениям производства, т. е. к работе людей, к воспроизведению рода, к общественной борьбе за существование человечества с природой и в природе, он все же делает науку об обществе частью естествознания. Поэтому понятие производства, работы—центральное понятие в системе Маркса, благодаря ему мы поднимаемся над уровнем биологии, понимая историю человечества, как продукт его сознательной самодеятельности; с другой стороны, мы видим в основе этой истории все тот же естественно-исторический процесс, так как все культурное развитие порождается той отраслью человеческой деятельности, которая служит созданию благ для поддержания нашей жизни, иначе говоря, особой формой, в которой человечество ведет свою борьбу за существование в природе“.

Итак, установив закономерность развития человеческой истории, марксизм дополнил дарвинизм и засыпал зияющую пропасть, которая существовала между естественными и общественными науками. Этим самым марксизм дал последнее, недостающее еще звено для создания одного цельного, всеохватывающего научного мировоззрения.

V. МАТЕРИАЛИЗМ, КАК ОСНОВА УЧЕНИЙ МАРКСА и ДАРВИНА

Марксизм и дарвинизм имеют ту общую важную черту, что в основе обоих этих учений лежит материалистическое мировоззрение. Оба эти учения враждебны идеализму.

Идеализм и материализм — это два противоположных ответа на великий философский вопрос об отношении между сознанием и бытием, между духом и природой, между внешним миром и нашими идеями, мыслями и представлениями об этом мире. Как известно, мы различаем два рода явлений. Мы знаем, что одни явления объективны, что их можно видеть, слышать, осязать и т. д., что они занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами; другие же, например, наша мысль, воля и т. д., субъективны, их нельзя ощущать или видеть, они не занимают места в пространстве. Первые явления мы называем материальными, телесными, другие психологическими или духовными. И вот возникает вопрос об отношении, существующем между этими двумя родами явлений. Что первичное, основное: дух или материя, объект или субъект, природа или сознание, мир или идея?

Философских направлений было и есть много. Но, как это показал Энгельс, если мы задумаемся в ответы, которые давали все эти направления на вопрос об отношениях между материальным и духовным, то увидим, что они не так уж многообразны, как это кажется с первого взгляда. Все эти направления или системы всегда сводились к двум основным — к идеалистическому и материалистическому.

Идеалисты в своем миропонимании исходили из вечно существующей идеи. Они брали за точку отправления мировой дух, причем все явления природы, все исторические и общественные события, все явления личной жизни они объясняли свойствами этой идеи, этого духа.

Материалисты, наоборот, брали за основу, за исходную точку, материальное начало или объект, иначе, природу, мир. И они, в свою очередь, объясняли, каким образом из природы появляется дух, из объекта—субъект, из материи—сознание. Словом, все без исключения явления они объясняли свойствами вечно существующей, неизменяемой мировой материи.

Идеалисты утверждали, что объект возник из субъекта, „не—я“ из „я“, что вещи, тела зависят от идей, духа, и не было бы внешнего мира, природы, если бы не было нашего представления и наших мыслей о нем. Материалисты, как раз наоборот, доказывали, что объект рождает субъект, что „я“ возникает из „не—я“, что дух или идея зависит от вещей, тел, от внешнего мира, и не было бы у нас никаких мыслей, никаких представлений, никакого сознания, если бы этот мир, эта природа или материя не действовали на нас извне.

Идеалисты думали, что внешние материальные условия, т.-е. бытие, изменяются в зависимости от наших идей, от нашего сознания. Материалисты говорили, что идеи изменяются в зависимости от среды, от внешних условий от бытия.

Маркс и Энгельс были самыми последовательными, самыми выдержанными материалистами.

Итак, что же такое материализм? Как ясно показал Энгельс, можно дать два ответа на этот вопрос. Во-первых, можно сказать, что в основе материализма лежит взгляд, что природа, а не дух есть основное начало всего сущего, т.-е., что природа предшествует духу, или иначе: мир не создан богом, он существует от века. Во-вторых, можно сказать, что материализм это такое учение, которое признает только одно допущение: объективная закономерность действительного мира—природы и истории,—лишь отражаемая в нашем познании. И Энгельс категорически, резко подчеркивает: „ничего другого и не

означает материализм — надо лишь „не шутить с материализмом“, а последовательно применять его для объяснения явлений природы и общества.

Естествознание, вообще, и дарвинизм в особенности дает нам достаточно материала для того, чтобы разрешить спор между идеалистами и материалистами, и решить его в пользу материализма. Оказывается, что человек есть часть природы, что он развивается вместе с окружающим его миром и в нем. Человек, как учит дарвинизм, произошел от других животных, а живые существа появились только с течением времени на земле. Из «мертвой» природы, из материи развилась живая, а из живой развилась такая живая, которая может мыслить. Следовательно, материя была раньше духа, она есть мать духа, а не „дух“ — отец материи. При этом дух не может быть без материи, а материя может преспокойнейшим образом существовать без духа. Ибо то, что мы называем духом, есть не нечто самостоятельное, а особое свойство особо организованной материи. Ведь мысли не существует без мозга, желания не существует без организма желающего. „Дух“ всегда крепко привязан к «материи». Словом, материя существует объективно, реально, независимо от духа, от сознания, так что мы должны считать за первичное, основное материю, а не дух. И исходя из этой точки зрения, мы должны выяснить, каким образом к материи прибавляется дух, к миру — идея, к бытию — сознание, к объекту — субъект.

Марксизм также стоит на такой основной точке зрения. Он представляет собой самый последовательный, самый выдержанный материализм. Маркс в цитированном нами отрывке из предисловия к книге „К критике политической экономии“ прилагает этот материалистический взгляд к истории и, таким образом, создает исторический материализм. Вместе с Энгельсом он показал, что общественное сознание, человеческая идеология является продуктом общественной жизни, отражением в нашей голове существующих общественных, в частности, классовых отношений. Ибо „не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное их бытие определяет их сознание“.

Бытие—это причина сознания. При этом „бытие“—это та реальная действительность, в которой рождаются, живут и действуют люди. И притом—действительность не сегодняшнего дня, но действительность во всем ее многообразии, созданном многовековым развитием.

Буржуазные мыслители и духовенство обыкновенно стараются доказать, что материализм, вообще, и исторический материализм, в частности, насквозь безнравственен. Но это—чепуха. Ни материализм, ни идеализм сами по себе ничего общего не имеют с нравственными идеалами, с этикой. Философский материалист может быть проникнут этими идеалами в высшем и самом чистом виде, в то время, как философский идеалист может быть совершенно далек от них. Но, благодаря долголетнему злоупотреблению этими словами со стороны представителей духовенства и буржуазной философии, материализм получил привкус безнравственности, который забрался также в буржуазную науку.

Как тонко заметил Энгельс, „филистер понимает под материализмом обжорство, пьянство, плотские наслаждения, алчность к деньгам, скупость, корысть, жажду к наживе и биржевые плутни, словом, все те грязные пороки, которым он сам предается в тишине; а под идеализмом он понимает веру в добродетель, общечеловеческую любовь и, вообще, „лучший мир“, которым он реномирует перед другими, и в который он в лучшем случае верит постольку, поскольку он вслед за своим обычным „материалистическим“ развратом переживает похмелье или банкротство, и при этом он распевает свою любимую песенку: „что есть человек—полузверь, полуангел“. Если хотят употреблять материализм и идеализм в этом переносном смысле, то выходит, что в наше время признание исторического материализма требует огромного нравственного идеализма, ибо такое признание неизбежно влечет за собой нищету, гонение и клевету, в то время, как исторический идеализм составляет принадлежность всякого карьериста, ибо он дает право на все земные блага, на жирные оклады, на всевозможные ордена, титулы и почетные звания. Этим мы, конечно, не хотим сказать, что все идеалистические историки руководились нечистыми мотивами, но мы имеем

полное право отбросить всякое нравственное пятно, которое кладется на исторический материализм, как нелепую и наглую клевету.“

Очень часто смешивают естественно-научный материализм с историческим. Но это, несомненно, ошибка. Естественно-научный материализм, находящий свое достаточное обоснование в дарвинизме, совершенно упускает из виду, что люди живут не только в природе, но также и в обществе, что, кроме естественной науки, существует еще социальная наука. Исторический материализм включает в себя естественно-научный, но естественно-научный не включает исторического. Естественно-научный материализм видит в человеке сознательно действующее создание природы, но он не задается вопросом, чем определяется сознание человека в пределах человеческого общества. И поэтому он не последователен, и в области истории превращается в свою противоположность, в крайний идеализм. Естественно-научный материализм верит в духовную чудодейственную силу великих людей, которые творят историю: при своей мнимой строгой последовательности, он доходит до фактической величайшей непоследовательности. Рассматривая человека, как сознательно действующее животное, он делает из истории человечества пеструю бессмысленную игру идеальных мотивов и целей. Своей неверной предпосылкой о сознательно действующем человеке, как об изолированном создании природы, он доходит до идеалистической фантазмагии человеческой истории, которая, как безумная пляска теней, проходит через материалистическое строение вечной вселенной. Исторический материализм исходит из того естественно-научного факта, что человек не животное вообще, а общественное животное, что он приобрел свое сознание только в общежитии социальных групп (орда, род, класс), и только в таком общежитии может жить, как сознательное существо, что, таким образом, материальные основы этих групп определяют его идеальное сознание, и что прогрессирующее развитие первых представляет закон эволюции человечества.

„Исторический материализм, говорит Меринг, не есть законченная система, увенчанная незыблемой истиной. Он

представляет собой лишь научный метод для исследования человеческого процесса развития. Он исходит из того факта, что люди живут не только в природе, но также и в обществе. Изолированных людей никогда не было. Человек, очутившись случайно вне человеческого общества, скоро погибает. Уж этим своим исходным положением исторический материализм отводит очень широкое поле деятельности для всех идейных сил“.

Итак, общая сходственная черта марксизма и дарвинизма заключается прежде всего в том, что они сумели всю совокупность явлений, которые касаются в первом случае всей социальной жизни человека, а во втором всего органического мира, и которые идеалисты (а вместе с ними богословы и метафизики) считали своим исключительным уделом, изъять из их ведения и найти для всех этих явлений объяснение, заключающееся, по выражению Маркса, «в их материальных условиях, констатируемых с точностью естественных наук». Как Дарвин, усомнившись в пригодности старого библейского учения о „сотворении“ органических форм, нашел действительное научное объяснение происхождения этих форм в «материальных условиях» их возникновения, так и Маркс, усомнившись в метафизическом и идеалистическом понимании истории, пришел к послужившему ему «путеводной нитью» во всей его последующей деятельности выводу, что правоотношения, формы государственности, идеология и т. д. „необъяснимы ни сами из себя, ни из, так называемого, человеческого духа, а берут основание из материальных условий жизни“. Словом, оба учения—исторический материализм и дарвинизм—отмечены общей чертой искания начального исходного объяснения исключительно „в научно-изучаемых“ материальных явлениях.

Единственная, действительно научная точка зрения на природу и общество—это точка зрения последовательного материализма. Что же касается идеализма, то он, собственно говоря, ничего общего с наукой не имеет. В самом деле: идеализм, говоря нам, что в основе всего лежит не природа, а дух, т.-е. не материя, а бог, тем самым, в конечном счете, объявляет природный, предметный, материальный мир—призрачным, обманчивым,

---

иллюзорным, «чувственной видимостью», и противопоставляет ему иной, якобы «истинно-сущий» мир—духовный, идеальный. Ясно, что идеализм имеет общие корни с религией, которая от бренности чувственного мира ищет спасения в ином, «вечном», идеальном мире. Подобно религии, идеализм принижает действительный мир и, следовательно, обесценивает человеческие действия, в первую очередь, революционную борьбу. Словом, идеализм лишь утонченная, более усовершенствованная форма религиозного миропонимания.

Каждый выдающийся естествоиспытатель—физик, химик, астроном, биолог и т. д.—стоит, часто „стихийно“ (по выражению Ленина), бессознательно, сам того не подозревая, на точке зрения самого последовательного материализма. Правда, обыкновенно это несколько не мешает ему приходиться буквально в ярость при одном только упоминании слова «материализм» и со всей присущей ему энергией доказывать, что материализм есть ничто иное, как метафизика, что это учение давно опровергнуто и оставлено наукой, и что он то во всяком случае никакого отношения к этому наивному учению не имеет (мы это и увидим в дальнейшем на примере Дарвина). Но происходит это, как правильно указывает физик А. Тимирязев, главным образом, просто по неведению. Так как философия марксизма, т.-е. последовательного материализма, не пользовалась расположением в буржуазном мире (о причинах этого мы поговорим особо), то не знать ее, не тратить времени на ее изучение считалось даже признаком особенно хорошего тона. И в результате большинство ученых, даже очень крупных, понятия не имеют о том, что такое современный материализм.

VI. УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИЧИННОСТИ и ИЗГНАНИЕ БОЖЕСТВЕННОСТИ

Дарвинизм значительно дополнил то мировоззрение, родоначальником которого явились Коперник и Джордано Бруно, эти гениальные революционеры в области мысли. Их учение было революционным благодаря тому, что с момента его появления не осталось места для суще-

---

ствования и царствования чего-то „сверх‘естественного“, божественного. С этого момента все науки скрыто или открыто провозгласили своим лозунгом слова: „Все—естественно“.

Да, все развитие нашего научного мировоззрения со времени Коперника и Бруно шло под флагом признания закономерности, причинной обусловленности всего существующего и, следовательно, изгнания из науки всяких представлений о сверх‘естественных, божественных влияниях.

В самом деле, Ньютон показал, что все движения тел нашей солнечной системы не управляются каким-то небесным механиком, но необходимо вытекают из свойств материи, выраженных в законе всемирного тяготения. Это открытие является одним из самых важных событий во всей истории. Следующий важный шаг в деле построения научного мировоззрения был сделан Лапласом, который показал, что земля и небесные тела совсем не были созданы богом, но что небесные тела, известные под названием туманностей, содержат в себе все условия, необходимые для образования солнечных систем. Затем явились Лавуазье и Майер и показали, что никакое надмировое существо не могло создать мира из ничего, что мироздание вечно, не имело начала во времени, потому что материя и энергия, входящие в состав вселенной, являются вечными. Таким образом, был сделан ряд научных открытий, которые привели к выводу, что вселенная существует, поддерживается и управляется сама собой. Недаром Лаплас на вопрос Наполеона: „Но почему же в вашей книге „небесная механика“ ни разу не встречается имени Творца?“—гордо ответил: „Я не имел никакой нужды в такой гипотезе“.

Итак, поскольку естествознание устанавливает закономерную связь причин и следствий, представление о сверх‘естественном деятеле отпадает, просто за никчемностью, ненужностью. Это значит, что каждая вещь, каждое явление, каждое живое существо должны быть объяснены на основании законов природы, и что вся природа должна быть понята сама из себя.

Да, так должно быть, но удастся ли это повсюду? Можно ли—спрашивал не один ученый,—объяснить на основании одних только законов природы поразительно-целесообразное строение живых существ? Не указывает ли все-таки это строение живых организмов на существование „внемирового строителя“, на существование мудрого „творца“ природы? Правда, такие люди, как великий философ Борух Спиноза и великий поэт-естествоиспытатель Гете, отрицали такие выводы. Но естествоиспытатели, склонные считаться, главным образом, с бросающейся в глаза стороной природы, не могли найти внутри материи и движения достаточного основания для целесообразности организма. Поэтому они пошли на компромисс и старались примирить науку с средневековой верой. Они, как уже сказано, считали различные виды растений и животных особыми, резко отграниченными друг от друга, видами, созданными творцом.

„До Дарвина, говорит гениальный Гельмгольц, были возможны только два объяснения органической целесообразности, которые оба, в конце концов, приводили опять-таки к участию разума в ходе процессов природы. Или рассматривали, согласно виталистической теории, жизненные процессы, как постоянно направляемые живой душой, или объясняли происхождение всякого отдельного живого организма действием сверх‘естественного разума. Теория Дарвина содержит существенно-новую творческую мысль: она показывает, каким образом целесообразность в образовании организмов может произойти без вмешательства разума, при помощи слепого действия законов природы“.

Как уже сказано, Дарвин оттенил то обстоятельство, что в жизни организмов нецелесообразные и неудовлетворительные явления существуют рядом с „целесообразными“. Целесообразность же он сумел представить, как результат медленного развития, в котором руководящую роль играет не стоящий вне природы и планомерно действующий творческий дух, а только законы, присущие природе. Основное воззрение Дарвина, проложившее новые пути в области нашего мировоззрения, представляет собой разумную идею, которая понятна сама по себе, которая проста, как знаменитое „яйцо Колумба“.

В самом деле, разве не сама собой понятна та мысль, что все существующее и сохраняющееся должно быть способно к существованию и сохранению, так как в противном случае не могло бы существовать? Так вот: сохранить надолго свое существование и размножаться могут лишь такие организмы, которые более или менее „целесообразны“, т. е. способны к существованию. Каждому должно быть ясно, что негодные и неудачные существа раньше или позже погибают. А то испытание, которому подвергается каждое существо в своей обстановке, тот экзамен, на основании которого можно судить о достаточной пригодности или о значительной непригодности данного организма (этот экзамен, как мы уже знаем, Дарвин назвал „отбором“),—представляет собой, таким образом, сотканное из законов природы решето, отделяющее тонкое от грубого, слабое от сильного. При этом нити этого решета состоят, прежде всего, из тех противодействий, на которые наталкивается в своей обстановке каждое живое существо, заботящееся о своем сохранении и размножении. К тому же, у этих борющихся за свое существование организмов не все обстоит благополучно, ибо в то время, как у одних имеются благоприятные свойства, у других эти свойства неудовлетворительны и даже вредны. Ясно, что в результате борьбы этих организмов за существование неудачные, не приспособленные будут уничтожены, а остальные сохранятся и будут размножаться соответственно степени их приспособленности, „целесообразности“.

Таким образом, Дарвин нашел простое, естественное объяснение, так называемых, целесообразных явлений в природе. Он нашел причину для образования пригодных органов и более совершенных видов. И его объяснение не требует „сверхъестественного“, „чудесного“ вмешательства какого-то творца, стоящего вне мира. Дарвин дал нам возможность понять природу из нее самой, не прибегая к теории существования какой-то чуждой ей силы.

Маркс и Энгельс, как уже сказано, сразу оценили все значение дарвиновского открытия. Энгельс вскоре после выхода в свет знаменитого сочинения Дарвина, в конце

ноября 1859 г., в своем письме к Марксу, в следующих кратких словах выразил громадное значение дарвинизма для нашего мировоззрения: «Телеология (учение о целесообразности) в одном направлении не была еще уничтожена, это теперь произошло».

Учение о целесообразности природы было все время в руках богословов основным аргументом для доказательства существования бога. И действительно, всем казалось, что раз природа так целесообразно устроена, то несомненной причиной этой целесообразности является чудесный надмировой творец—бог.

Дарвинизм же, выдвинувший естественный отбор, как основной фактор совершенствования организмов, показавший, что в природе всегда происходит страшная борьба за существование, нанес сильнейший удар всяким представлениям о целесообразности. Раз в природе жизнь одних существ покупается ценой гибели других, то как можно говорить о разумно-целесообразных действиях природы? Как можно, наконец, объяснить целое множество свойств, органов, не только не приспособляющихся, но явно тормозящих развитие той или другой особи?

А то, что многие животные, и человек в том числе, обладает органами, которые им не только ни для чего не нужны, но и вредны,—это факт. Эти органы называются остаточными или рудиментарными, причем они показывают, что предкам животного, у которого есть такие остаточные органы, эти органы были нужны. Но впоследствии, с изменением внешних условий, эти органы стали лишними и сохранились только по наследству. У человека таким органом является, напр., червеобразный отросток слепой кишки, который причиняет человеку достаточно вреда. Ясно, что существование таких органов убивает всякое представление о разумно-целесообразном устройстве природы и о существовании мудрого творца.

„Таким образом,—говорит наш выдающийся ученый-дарвинист, покойный К. Тимирязев,—совершенно изменяется старая телеологическая точка зрения. Сохраняя старое слово—целесообразность, мы придаем ему новый смысл. Не в виду и не в ожидании пользы созидались все эти совершенные органы и целые организмы, а сама польза

создала их. Вместо предполагаемой цели, мы имеем действительную причину. Совершенство органического мира не есть возможная, гадательная цель, а неизбежный, роковой результат законов природы“.

В своей автобиографии Дарвин рассказывает нам, что вначале он был вполне верующим, ортодоксальным христианином, и что ему „совсем не хотелось отказаться от своей веры“. Но под влиянием изучения природы и в особенности под влиянием открытого им закона эволюции, в его душу медленно прокрадывалось неверие, и, в конце концов, говорит он о себе, „я стал совершенно неверующим человеком. Неверие прокрадывалось в мою душу так медленно, что я не ощущал при этом никакого тяжелого, неприятного чувства... Приводимое старое доказательство существования цели в природе, казавшееся мне прежде решающим, оказывается в настоящее время, после того как открыт закон естественного отбора, ложным. Ведь мы не можем уже больше думать, что, напр., прекрасная двустворчатая раковина построена каким-то разумным существом, подобно тому, как дверной крюк построен человеком. В изменчивости органических существ и в образе действий естественного отбора кроется, как мне кажется, не больше целесообразности, чем в том направлении, в котором дует ветер“.

Теперь нам более или менее понятно то огромное значение, которое имеет дарвинизм в нашем естественно-научном мировоззрении. И недаром знаменитый физик-философ Больцман в 1886 г. сказал: „Если вы желаете знать мое глубокое убеждение в том, как назовут со временем наш век—веком-ли железа, пара или электричества, то я отвечу, не задумываясь: его назовут веком механического объяснения природы, веком Дарвина“.

Но мы уже видели, что дарвинизм гораздо уже марксизма. Исторический материализм Маркса включает в себя естественно-научный материализм Дарвина, в то время, как учение Дарвина не включает в себя учения Маркса. Последнее говорит нам, что раз человек и любое человеческое общество есть часть природы, часть животного мира, то как в природе, так и в обществе, существует объективно, независимо от того, желаем ли мы этого или

нет, сознаем ли мы это или нет,—причинная правильность или закономерность явлений. Следовательно, когда мы хотим объяснить какое—нибудь явление, естественное или общественное, нам приходится ставить вопрос не „для чего?“, но только „почему?“, ибо каждое явление имеет свою причину, но не цель. Закономерности всяких явлений являются не целевыми, а причинными закономерностями.

Правда, область исследования исторического материализма, как мы уже сказали, начинается только с того момента, когда место голого естественного отбора заняла целесообразная человеческая деятельность. По Марксу, эта целесообразная деятельность составляет главное отличие человека от животного, от остального земного мира. Человек выделяется из окружающей среды, противопоставляет себя ей и вступает с ней во взаимодействие, в борьбу, только тогда, когда с развитием его органа мышления, его действия получают известную целесообразность и плановость. Но это все-таки не избавляет нас от вопроса: почему же люди в одном случае ставят себе одни цели, а в другом,—другие? Иначе говоря, как только мы пытаемся понять общественные явления, мы вынуждены задавать вопрос „почему“, т. е. спрашивать о причинах этого явления, несмотря на то, что в нем проявляется какая-нибудь цель. Ясно, что, если даже люди поступают так, как они хотят, то и тогда нет никакой разницы между общественными науками и науками о природе. Обе эти группы наук все должны рассматривать с точки зрения причин и следствий, во всем искать причинный закон.

В учении Дарвина и, вообще, в современном естествознании принимается, как вполне доказанный, твердо обоснованный факт, то положение, что наследственность в значительной степени определяет характер человека, что чувство и воля человека зависят от состояния его организма. Исторический материализм своим учением о зависимости общественного сознания от общественного бытия дополняет это положение. Он говорит, что человеческая воля зависит также от внешних причин, от той обстановки, в которой человек находится. Таким образом, воля человека не свободна: как и все на свете, она обуслов-

лена определенными причинами, и никакого исключения человек из всего остального мира не составляет. Если бы этого не было, если бы каждый человек и его воля ни от чего не зависели, то откуда могла бы взяться правильность в общественных явлениях? Ей неоткуда было бы взяться, и в общественных явлениях не было бы никакой закономерности. А, следовательно, вовсе не было бы и науки об обществе: на человека пришлось бы смотреть, не как на часть природы, а как на какого-то бога, который стоит над миром, который делает, что хочет, для которого никакие законы не писаны.

Не трудно видеть, что марксизм и дарвинизм насквозь материалистичны и, стало быть, атеистичны, безбожны, ибо, изгнав понятие цели, разумной целесообразности из области природы и общества, они не оставили никакого места для бога. Правда, в то время, как Маркс и Энгельс резко подчеркивали свой материализм и атеизм, Дарвин не любил, когда его называли материалистом или атеистом. В одном своем письме (к Грею) он писал: «Я не могу допустить, чтобы мир в том виде, в каком он нам представляется, был результатом случайности, и тем не менее я не могу смотреть на каждую отдельную вещь, как на результат преднамеренности... Словом, я навеки застрял в болоте без надежды выбраться из него»... А в своей автобиографии он говорит: «Таинственный вопрос о начале всех вещей для нас неразрешим, и я, с своей стороны, должен удовлетвориться скромным уделом агностика».

Что же это за учение агностицизм? Это—«философия незнания», которая утверждает, что «сущности» явлений, того «ничто», которое действует на наши органы чувств и вызывает в нас все ощущения и впечатления, мы никогда не узнаем. Вот что пишет об этом учении о непознаваемости сущности вещей Энгельс: «Действительно, что иное представляет собой агностицизм, как не стыдливо прикрытый материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен, во вселенной царствуют законы, абсолютно исключают всякое влияние на нее извне. Но,—осторожно, добавляет агностик,—мы не в состоянии доказать существование или несуществование высшего

существа по ту сторону известного нам мира. Эта оговорка могла иметь свою цену в то время, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в «небесной механике» великого астронома никогда не упоминается создатель, гордо ответил: «у меня не было надобности в этой гипотезе». Но в настоящее время наше представление о мире в его развитии не оставляет абсолютно никакого места для творца или правителя; а признание высшего существа, исключенного из всего существующего мира, было бы противоречием в самом себе и кроме того, как мне кажется, явилось бы ничем не вызванным оскорблением чувства религиозных людей».

Как бы то ни было, для науки важно не то, отрицал или не отрицал идею бога Дарвин, а то, что учение его, открытый им закон развития живых организмов, разбивает вдребезги религиозные представления о происхождении человека и живых существ, ясно показывая нам, что человек не создан богом «по своему образу и подобию», но постепенно выделился из мира животных, подобно обезьянам и прочим породам. Важно то, что последовательный дарвинизм, так же как и последовательный марксизм, по сущности своей,—атеистичен. Неудивительно, что лучшие дарвинисты—Геккель, Ле-Дантек, Тимирязев и др.—были яркими безбожниками, и, вообще, приходится констатировать факт, что большинство крупных естествоиспытателей, как уж сказано, являются бессознательными материалистами.

VII. БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ, КАК ФАКТОР ЕСТЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Остановимся теперь еще немного на некоторых сходственных чертах марксизма и дарвинизма, проведем беглую параллель между этими двумя учениями. Для этого мы прежде всего сопоставим факторы естественного и общественного развития.

Исторический материализм, в полном согласии с дарвинизмом, рассматривает человеческое общество в его развитии в данной обстановке, как часть органического мира, составляющего часть вселенной. В нем он учитывает роль отдельной личности, рассматривая ее, как часть

данной определенной, исторически сложившейся среды. «Человек,—говорит Маркс,—сам делает свою историю, но он делает ее в той обстановке, которая создана предыдущими поколениями». История человечества—это часть истории органического мира в его целом: это—история борьбы за существование.

Но борьба за существование в человеческом обществе значительно отличается от таковой же борьбы в мире животных, и поэтому тип человеческого развития другой, чем тип животного развития. Животные виды развиваются в результате органического приспособления к природе, т. е. животные, борясь за жизнь, вынуждены изменять весь свой организм, изменять свои органы, и от изменения органов, от устройства организма, естественно, зависит вся жизнь, все привычки и жизненные качества данной породы, данного животного вида. Человек же в этом отношении значительно разнится от животного: вместо того, чтобы органически приспособиться к среде, он, наоборот, технически приспособляет среду к себе. Например, человек защищает себя от холода не тем, что, подобно животному, обрастает органически шкурой, а тем, что снимает шкуру с убитого животного и надевает ее на себя. Или другой пример: человек не получает от природы перепонок между пальцами, но изготавливает весло, которым достигает тех же результатов, каких животное достигает своим органическим развитием, усовершенствованием своих природных органов. Таким образом, ту же роль, что у животного играет развитие его природных органов, у человека играет развитие его искусственных органов, т. е. орудий; весло, как продолжение руки, есть уже искусственный орган—орудие. Иначе говоря, природные органы животного, при помощи которых животное пассивно приспособляется к среде, у человека заменены искусственными органами или орудиями, при помощи которых человек активно приспособляет среду к себе.

В этом, собственно говоря, и лежит отличие человека от животного. Поэтому мы можем сказать, что искусственные органы—орудия—составляют основу всей жизни человеческого общества, причем, изменение этих орудий есть причина развития человеческой культуры.

Маркс любил пользоваться выражением Франклина, что «человек—это животное, изготовляющее орудия труда». Это, стало быть, значит, что отличие человека, от остальных животных состоит в том, что он является животным, ведущим борьбу за существование не только при помощи естественных орудий, органов своего тела (когтей, зубов и т. д.), но и при помощи искусственных, им самим изобретенных орудий труда и борьбы. При этом, воздействуя в борьбе за существование на природу, частью которой он сам является, он изменяет свою собственную природу, свой организм и свое понимание.

Исторический период в развитии человека начинается с развития органов мышления. Иначе говоря, человек начал свою историю с того момента, когда появилось то незаметное сначала отличие в мозгу человека от его обезьяноподобного предка, которое впервые придает его действиям определенный смысл, которое, напр., дало ему возможность, не довольствуясь в качестве орудий труда случайно подвернувшимися предметами, изготовить себе специальные, хотя бы самые примитивные, незамысловатые средства производства. Главным стимулом развития попрежнему является борьба за существование, но это уже не борьба только с другими обитающими в той же местности животными видами, а борьба и с природой за средства существования. Из этой борьбы человек, благодаря своему главному оружию, все более совершенствующемуся в этой борьбе, т. е. благодаря мышлению, выходит, в конце концов, победителем.

До сих пор развитие человека обуславливалось пассивным приспособлением, теперь оно становится результатом тех активных отношений, в которые он вступает с окружающей природой, и которые мы обозначаем термином производство. С этого времени степень его общего развития обуславливается степенью развития производства, техники, навыков и т. д., которое в свою очередь зависит от степени развития производительных сил—орудий труда. Способ производства обуславливает собой то или иное разделение труда в обществе, а вместе с тем тот или иной общественный строй, с присущей ему определенной психологией и идеологией. Словом, прогресс производства.

или, точнее, развитие производительных сил, обуславливает и определяет собой весь ход исторического развития, т. е. производство, производительные силы, согласно историческому материализму, играют такую же роль движущей силы в историческом развитии человека, какую естественный отбор, по дарвинизму, играл в его органическом развитии: это то, что позволило человеку выделиться из животного царства, что дало ему власть над природой и дало культуре такую красочность и многогранность.

В борьбе человека с природой за средства существования развиваются производительные силы: развивается рабочая сила людей, изобретаются и совершенствуются орудия труда; земля и ее продукты приспособляются к потребностям людей, наконец, подчиняются воле людей и эксплуатируются силы природы—ветер, пар, электричество и пр. Все это вызывает разделение труда, обмен, развитие частной собственности, разделение общества на богатых и неимущих. В результате внутри человеческого общества возгорается борьба между имущими и неимущими, при чем борются не личности, а общественные группировки: к борьбе с природой прибавляется борьба классов. И, таким образом, вся история человечества со времени распада первобытной общины является историей борьбы классов. Эта борьба классов, конечно, представляет собой борьбу за жизнь, борьбу за средства существования, но она сильно ослабляет, тормозит самую важную деятельность человечества—борьбу с природой.

В настоящее время борьба классов есть борьба пролетариата с буржуазией. Развитие производительных сил обеспечивает пролетариату победу над буржуазией, а эта победа приведет к коренному переустройству всего общественного строя—к коммунизму. Но этим переворотом не закончится борьба за существование, она лишь перейдет в высшую форму развития. Уничтожение борьбы классов, объединение всех народов в одно целое, в одну великую семью, даст людям возможность сосредоточить все свои силы на борьбе с природой, даст мощный толчок подчинению ее сил человечеству.

Заметим, что ученые, даже враждебно относящиеся к историческому материализму, под влиянием дарвинизма

старались учение о борьбе за существование ввести в область общественных наук. Многие исторические факты они стали объяснять в свете этого учения. Но, как указывает Маркс в одном своем письме, они не анализировали борьбу за существование, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, и в результате выражение Дарвина «борьба за существование» не объясняло ни одной конкретной борьбы и превращалось в простую фразу. Следовательно, нельзя просто-на-просто, без всякого развития, перевести дарвиновские законы на общество. Задача заключается в том, чтобы показать, как в обществе людей общие законы естественных наук проявляются в особой, только человеческому обществу присущей, форме. Кто этого не понимает, тот не может найти никаких закономерностей в истории человеческого общества.

Но интереснее всего то, что некоторые буржуазные ученые хотели приспособить теорию Дарвина для низменных целей эксплуататоров—образованного „высшего“ класса. Так, напр., они боролись против фабричного законодательства, против реформ, клонящихся к обеспечению положения рабочего класса. Они говорили и доказывали „по Дарвину“, что, благодаря таким реформам, будут оставаться при жизни не только сильные и приспособленные, но и слабые, несовершенные элементы, отчего человечество, по их лицемерным утверждениям, не будет прогрессировать и развиваться.

Плеханов по этому поводу прекрасно выражается: „Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, в действительности рекомендовали своим читателям не научные приемы Дарвина, а только зверские инстинкты тех животных, о которых у Дарвина шла речь. Маркс сходится с Дарвиным, буржуазные писатели сходятся со зверями и скотами, которых изучал Дарвин“.

Оставим, однако, этих „ученых“ и рассмотрим еще некоторые родственные черты дарвинизма и исторического материализма.

В своих объяснениях и Дарвин, и Маркс исходили из фактического изучения настоящего. При этом задача дарвинизма—это, главным образом, объяснение темного прош-

---

лого всего органического мира, задача же исторического материализма сводится, главным образом, к предсказанию будущего на основании „тенденций“ настоящего.

Но исторический материализм не только объясняет и предсказывает, — он оказывает воздействие на настоящее, на совершающуюся тенденцию. Он не только стремится понять природу и общество и предвидеть их дальнейшее развитие, но, поняв их, заставить их служить человеку. Исторический материализм учит, что человек должен стать самостоятельным творцом и строителем жизни, что его задача „изменить“ мир, из раба природы и общественных отношений стать их господином.

Маркс сказал: „до сих пор философы объясняли мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы изменить его“. В этих словах, можно сказать, содержится вся сущность исторического материализма, в особенности его практический вывод. Из них мы видим, что в историческом материализме мы имеем как бы слияние теории и практики, и в этом его особо важное значение.

Но и здесь между историческим материализмом и дарвинизмом можно обнаружить определенное сходство. Дело в том, что Дарвин, дав не „свое“ философское, а основанное на изучении действительности объяснение, заставил людей обратить внимание на тот процесс созидания новых органических форм, новых пород, которым они пользовались полусознательно. Этот процесс, который обыкновенно называется искусственным отбором, Дарвин помог довести до высшей степени поразительных результатов. Таким образом, дарвинизм не только объясняет нам органические формы, но и учит, как их переделать, изменить.

Итак, дарвинизм рассматривает происхождение человека как зоологического вида, а исторический материализм объясняет историческую судьбу этого вида. Область исследований исторических материалистов начинается как раз там, где кончается область исследований дарвинистов. Как заметил Плеханов, работы сторонников материалистического взгляда на историю не могут заменить того, что дают нам дарвинисты, и точно

также самые блестящие открытия дарвинистов не могут заменить их исследований, а могут только подготовить для них почву, подобно тому, как физик prepares почву для химика, ни мало не устраняя своими работами необходимости собственно химических исследований. Подобно тому, как дарвинизм явился большим и необходимым шагом вперед в развитии биологической науки, так и исторический материализм явился громадным и неизбежным шагом вперед в развитии общественной науки.

Как видно из вышесказанного, аналогия между учениями Дарвина и Маркса довольно значительна. Как организмы, так и общества, подвержены изменению и развитию. При этом, как Дарвин, так и Маркс нашли ключ к развитию в борьбе: первый—в борьбе за существование, второй—в классовой борьбе, которая, конечно, тоже является борьбой за средства существования, борьбой за пищу, одежду, жилище и т. д. В мире животных и растений дело идет о борьбе органических видов, в человеческом обществе—о борьбе общественных классов. Там органы животных и растений, а здесь орудия и машины определяют в борьбе за жизнь степень развития родов и, соответственно,—общественных форм, т. е. там все зависит от естественного отбора, здесь—от состояния производительных сил.

VIII. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ В ДАРВИНИЗМЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Как мы уже говорили, основными исходными материальными факторами, определяющими историческое развитие человечества, исторический материализм признает факторы экономические, все остальное является „идеологической надстройкой“. Что же касается дарвинизма, то главным фактором развития органических форм он признает исторический процесс, метафорически названный Дарвином «естественным отбором».

Но Дарвин сам рассказывает о том, что первый толчок к выработке его учения о естественном отборе дал ему закон перенаселения, обыкновенно называемый законом

Мальтуса. Следовательно, как раз из социального мира заимствовал Дарвин те наблюдения и опыты, которые были ему необходимы, чтобы дополнить и представить в более ясном свете наблюдения, сделанные им и другими естествоиспытателями в мире природы. Иначе говоря, исходя из социальной борьбы людей, Дарвин пришел к мысли о естественной борьбе животных и тем нашел ключ к объяснению развития органического мира. Это, между прочим, резко ставилось Дарвину в укор Чернышевским и, в особенности, Дюрингом. Но предъявлявшие это обвинение были неправы: они, очевидно, не знали или забыли, что сам Мальтус заимствовал свой закон у естествоиспытателей Линнея и Франклина, которые применяли его уже ранее к растениям и животным.

Но в чем же заключается это явление естественного отбора? Как уже сказано, оно, в сущности говоря, заключается в приспособлении организмов к условиям их существования, при чем в нем заключается объяснение основной загадки развития органического мира. Это слово „приспособление“ стало лозунгом современной биологии. Ученому, изучающему животных и растения, становилось понятным только то, что приспособлено, потому что ему становилось понятным его историческое происхождение.

Геккель, который был мастером на составление новых названий, для всей этой области биологии, изучающей явления приспособления, предложил новое название—экология. Этому слову повезло, особенно в Америке, где, напр., рядом с физиологией растений утвердилось новая наука—экология. Еще дальше пошел специалист по этому вопросу Друде, который предложил для общей среды, как обиталища растения, термин того же греческого словопроизводства—экумен, понимая под ним всю совокупность и материальной обстановки, и доступных источников энергии. Но эти слова происходят от того же греческого корня, что и экономия, экономика. И вполне прав был К. Кимирязев, понявший, что вместо того, чтобы придумывать новые слова, гораздо лучше будет сохранить старое, указывающее на полное сходство понятий. Еще в 1908 г. он предложил назвать эту часть ботаники просто—экономикой растений.

Таким образом, и в дарвинизме, и в историческом материализме мы встречаемся с полным сходством исходных факторов изучаемых ими исторических процессов, проявляющимся даже в полном тождестве их словесного обозначения. И здесь, и там мы встречаемся с экономическим использованием условий своего существования. Разница только та, что дарвинизм, изучающий условия существования организмов, и исторический материализм, обращающий внимание на условия существования людей, имеют дело с неодинаковой «экономикой», с разной средой. Ведь животные и растения живут в естественной среде, составными частями которой являются: состав почвы, атмосферные осадки, климат и т. д. К этой среде растения и животные должны приспособиться под страхом смерти. Вот почему животные одной и той же природы, т. е. имеющие одно общее происхождение, когда они попадают в разную среду, невольно изменяются и превращаются в разные виды, в разные породы. Что же касается человека, то он живет наравне с животными и растениями в естественной среде, но в то же время он живет и в созданной им искусственной среде, и без этой искусственной среды он не может ступить и шагу. Последняя ограждает его организм от непосредственных вредных влияний естественной среды, или по крайней мере, значительно их ослабляет.

Уже с момента рождения, когда нас кладут в колыбель, т. е. в искусственную среду, до момента смерти, когда нас кладут в гроб, т. е. опять таки в искусственную среду, мы не выходим за пределы этой, орудиями созданной среды.

Но эта искусственная среда, в свою очередь, оказывает, подобно естественной среде, влияние на человека, который, таким образом, подвергается действию двоякого рода среды. Различные виды созданной людьми искусственной среды имеют между собой большое сходство, так что люди одновременно подвергаются дифференцирующему влиянию разнородной естественной среды, в которой они живут, и влиянию однородной искусственной среды, которая порождает одинаковые потребности, одинаковые страсти и одинаковую культуру. В том же направлении действует одинаковость географических условий.

Итак, если по отношению к эволюции животного мира решающую роль играет непосредственное воздействие естественной среды и необходимость органического приспособления к этой среде, то, по отношению к развитию человеческой культуры, такую же коренную роль играет то, что ограждает человека от внешней среды, а именно — развитие орудий, которые, как уже сказано, являются искусственными органами человека, неизмеримо усиливающими действие его природных органов. По дарвинизму, происхождение видов, стало быть, объясняется не природой организма, а влиянием внешней природы, приспособлением организма к условиям, вне него находящимся. Точно также с точки зрения марксизма, историческое развитие человечества обусловлено не природой человека, а свойствами той искусственной среды, той внешней обстановки, которая возникает при воздействии общественного человека на окружающую природу. Коротко говоря, причиной развития органических видов и различных форм общественной организации являются не прирожденные природные свойства организмов и людей, а внешняя среда: в первом случае — естественная, во втором — естественная и, в особенности, искусственная.

Укажем еще на следующую черту, сближающую дарвинизм с историческим материализмом. Как мы видели, по Марксу, на первых же ступенях развития деятельность человека, при переходе его от животного к человеку, выразилась в изобретении орудий производства. Но (на это мимоходом указывает и Маркс) в чем же состоял процесс приспособления животных и растений к условиям их существования, как не в выработке органов, т. е. орудий? И здесь опять простое словесное сближение делает это очевидным. Еще лет сто тому назад русские ученые называли организмы, организованные тела, телами «орудийными». К объяснению, почему живые существа называются телами орудийными — организмами, сводилась, по Дарвину, главная задача естествоиспытателя, желавшего себе объяснить их происхождение. Уже в первом дошедшем до нас, недавно найденном наброске его теории он говорит: „Мы должны смотреть на каждый сложный организм или инстинкт, как на длинный исторический итог полезных приспособлений,

---

подобный произведениям искусства“. Следовательно, основой для объяснения Дарвином происхождения органических форм и Марксом форм человеческого общества являются экономические условия существования, а одним из первых продуктов этой деятельности является выработка орудий.

Впрочем, это направление деятельности характеризует не только первые шаги первобытного человека: с тем же явлением встречаемся мы и на высших ступенях этой деятельности. Ведь важнейшие успехи астрономии, физики, химии, и вообще, точных наук тесно связаны с изумительным усовершенствованием инструментов, представляющих только как бы подражание органам чувств. „Таким образом, говорит Тимирязев, интересуемся ли мы происхождением всего органического мира, или человеческого общества, в основе мы встречаемся с экономическим процессом производства,—будет ли то первоначальное производство органического вещества растением, или венец деятельности человека—производство знания—науки, один из первых вопросов сводится к изучению происхождения органов или орудий этого производства“.

IX. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИНКТЫ ПО ДАРВИНИЗМУ и ИСТОРИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ

Мы рассмотрели аналогию между историческим материализмом и дарвинизмом в той области, где их объекты совершенно различны: у одного—человек, у другого—мир животных и растений. Но есть еще часть дарвинизма, где объект изучения у них тот же.

Дело в том, что доказывая животное происхождение человека, Дарвин не ограничивался биологической стороной вопроса, а перешел и на социологическую почву, поскольку рассмотрение ее было необходимо для доказательства происхождения человека от животного типа. Он показал, что умственное и нравственное превосходство человека над животным, т. е. то, что Маркс и Энгельс называли „идеологической надстройкой“, берет свое начало в двух материальных особенностях. Первая особенность заключается в развитии высшей области нервной системы,

---

в головном мозге, и в его результате—развитии умственных способностей. Вторая же причина заключается в развитии „социального инстинкта“, присущего и высшим животным. Таким образом, социальный инстинкт, общественность у Дарвина, как и у Маркса, является исходным началом естественно-исторического процесса развития умственного и нравственного облика человечества.

Этот вывод науки имеет огромное значение для нашего мировоззрения.

В самом деле, что такое нравственность, мораль? Это—обязательные правила поведения, которым люди добровольно подчиняются. В нас как-бы звучит голос, который во многих случаях непосредственно говорит нам, что хорошо и что плохо, что есть добро и что есть зло. Акты любви к ближнему, самопожертвования совершаются стихийно, сами собой, в силу этого голоса. Он сам собой повелительно предписывает нам правдивость, верность, честность и справедливость. Наша совесть говорит в нас, если мы не подчиняемся этому голосу. Стыд охватывает нас, если мы поступим нехорошо, хотя бы никто не знал об этом. Нравственный закон, веления долга живут в нас, и это, как всем кажется, резко отличает нас от животных. И невольно является вопрос: в чем же источник этих добродетелей? Что является их причиной?

Пытались вывести нравственный закон из опыта самого человека, из его воспитания, его привычек, его стремлений к счастью, из утонченного самолюбия или из симпатии. Но таким образом не удалось объяснить ни повелительный голос, призывающий нас любить ближнего, ни то удивительное явление, что человек, спасая существование других, отвергает свое собственное существование.

Так как нельзя было вывести мораль из действительности, то не осталось ничего иного, кроме обычного убежища невежества, т. е. кроме религии. Так как нельзя было объяснить нравственность из „земной“ жизни, то пришлось отнести ее возникновение к области „наивысшего“, сверхъестественного, божественного. Бог при сотворении человека вложил в него стремление к добру, поня-

---

тие доброго; злое проистекает из плотской природы человека, из материального мира, из греха.

Но вот пришли Дарвин и Маркс—и открыли нам источник человеческих добродетелей. Величайшие нравственные веления получили объяснение в своем существе и в своих действиях. И это объяснение чисто материалистическое.

Дарвин показал, что неверно, будто нравственность это то, что отличает человека от животных. Неправильно также представление о каком-то „животном эгоизме“. Ибо первоначальные основы нравственности коренятся именно в животном происхождении человека.

Дело в том, что некоторые животные, как, напр., некоторые хищники, многие травоядные, между прочим, жвачные, многие виды обезьян—вынуждены вести существование большими или меньшими обществами, т. е. стадами или стаями. Это потому, что только стадная жизнь и делает возможной для них борьбу за существование. А благодаря этому, у общественных животных возникает и развивается социальный инстинкт или, иначе говоря, общественное побуждение. И человек принадлежит к этим видам: он—животное общественное. Он тоже мог сохраниться в природе, только, как общественное животное, только благодаря совместной жизни в группах или ордах, и потому у него развились социальные побуждения, унаследованные им от своих далеких предков.

Таким образом, нравственный закон, чувство долга, совесть—продукты животного мира. Все это представляет собой животный инстинкт, подобно, напр., инстинкту самосохранения, половому инстинкту, материнской любви, и ничего другого. Нравственный закон, голос совести уже жил в человеке, когда тот был еще стадным животным. Он ведет свое происхождение из первобытной древности, потому что он жил в человеке все время, когда тот был общественным существом, т. е. все время, в течение которого человек, вообще, существует. Ибо только помогая друг другу, живя вместе, держась „все за одного, один за всех“, люди могли победить природу. Следовательно, люди всем обязаны этому нравственному стремлению к помощи, этому моральному закону, этим социальным побуждениям.

Итак, уже из этих беглых указаний видно, насколько просто объясняется, с точки зрения дарвинизма, эта на вид столь удивительная область „духа“, охватывающая заповеди нравственности: Понятно теперь, насколько ошибочно в поисках за объяснениями хвататься за область сверхчувственного, и с какой ясностью причины нравственности связаны с нашим собственным человеческим, животным, „земным“ существованием.

Известно, что нравственный закон, живущее в человеческой груди, стремление помочь другим, у различных народов в различные времена был крайне изменчив. Т.-е. действие социальных побуждений, каждый раз в разных условиях, оказывается очень различным. Спрашивается: что же является причиной этих изменений, наблюдаемых в действии социальных побуждений или нравственных заповедей?

Ответ на этот вопрос дает нам исторический материализм. Последний показывает, что нравственный идеал не есть нечто застывшее, постоянное: он живет и развивается, как и все идеи. Именно, с развитием человеческой культуры нравственность зависит от форм жизни и хозяйства, в конечном счете от состояния производительных сил, а, следовательно, прежде всего, от борьбы классов.

История культуры показывает, что чувство „жалости“ к побежденному врагу появляется только в определенный момент экономического развития народа. Именно, это чувство впервые возникает тогда, когда труд становится настолько производителен, что этому врагу выгоднее оставить жизнь и обратить его в рабство, чем убить его (или съесть его). У тех племен, которые хронически страдают от недостатка пищи, убийство стариков и больных считается хорошим „нравственным“ делом. Даже в глазах тех, кого убивают, это считается вполне в порядке вещей, ибо эти старики и больные сами чувствуют, что они ложатся бременем на все племя. Совсем иначе обстоит дело с развитием производительных сил: тогда старики, как хранители опыта и преданий прошлого, как источники „мудрости“, начинают пользоваться глубоким уважением.

Известно также, что в первобытной коммунистической общине звероловов, в рабовладельческом аристокра-

---

тическом государстве, в развитом буржуазном строе, и вообще, в различных общественных порядках—нравственность имеет совсем неодинаковый характер. Известно также, что воинственные племена, живущие грабежом, по иному решают вопросы, что хорошо и что дурно, чем мирные земледельцы, или чем купцы и промышленники. Словом, все известные нам факты говорят, что нравственность определяется общественным бытием, экономическими условиями данной эпохи, данного племени и класса. Получается даже такое представление, что понятие о добром и злом „меняются местами“, на которых они сидят. Ибо, как показывает история, один и тот же народ в различные времена одно и то же называл то хорошим, то дурным. Правда, через всю смену форм и содержания нравственного закона основные его принципы остаются те же, так что мы можем найти их и в христианской этике, и в пролетарской морали. Но это только потому, что формы коллективного существования сохраняются.

В классовом обществе даже в одно и то же время мораль не является одинаковой, чем-то обязательным для всех, но имеет классовый характер. Это значит не только то, что практическая мораль, фактическое поведение людей, принадлежащих к различным классам, является неодинаковым, соответственно неодинаковым экономическим условиям, но также и то, что моральные суждения и идеалы, понимание обязанностей и области дозволенного—отражают классовое положение их носителей. У двух борющихся классов понятия о нравственности могут быть прямо противоположны. Капиталисту кажется безнравственным, преступным, если бастующие рабочие мешают штрейкбрехерам работать. Он видит в этом насилие над человеческой личностью, „посягательство на „свободу“ труда. С другой стороны, рабочие считают высоко нравственным, хорошим делом, об'являя забастовку, обрекать на голод и нищету своих жен и детей ради общего дела, ради торжества своих товарищей.

Итак, никакой общей, обязательно-одинаковой для всех, нравственности не существует, у одного класса она одна, у другого—другая. При этом оказывается, что мораль каждого класса—это именно порядок

для него выгодный, т. е. соответствующий интересам этого коллектива. В самом деле, с точки зрения пролетариата штрейкбрехер только потому грязное, противное существо, что он вредит своему коллективу. А с точки зрения буржуазной морали—это человек, отстаивающий свободу своей личности, свое самостоятельное „я“, значит, это высокоморальное существо. Только с уничтожением классов мораль потеряет свой классовый характер, и отношения между людьми станут не на словах, а на деле товарищескими, братскими. Тогда высший нравственный закон, этот социальный инстинкт, говорящий нам, что следует помогать друг другу и что каждый должен даже жертвовать собою для других, из абстрактного учения небесного происхождения станет земным, действительным фактом.

В самом деле, классовая борьба, с которой мы сталкиваемся в общественной жизни, как уже сказано, есть не что иное, как проявление борьбы за существование, причем борющимися являются не отдельные личности, а целые общественные классы. Чувство солидарности и взаимопомощи является весьма ценным в борьбе за существование, — это одинаково подчеркивают и Дарвин, и Маркс. Следовательно, в борьбе классов победителем остается тот класс, где эти чувства сильнее развиты. Но то, что это чувство взаимной поддержки и солидарности особенно сильно развито в пролетариате—это, конечно, факт. Поэтому ясно, что победителем в классовой борьбе останется рабочий класс. Но пролетариат вовсе не стремится сам стать эксплуататорским классом, поэтому с его победой прекратится всякая классовая борьба, окончится борьба за существование среди самого человечества. Люди перестанут тратить напрасно силы на борьбу между собой, направив, как уже указано, все свои способности на борьбу с природой и на полное подчинение ее своим целям. И ничто не будет нарушать веления нравственного закона, ничто не превратит социальный инстинкт в мертвую букву: отношения между всеми людьми на самом деле будут проникнуты чувством солидарности и взаимопомощи. Таким образом, в коммунистическом обществе мораль достигнет наивысшей формы своего развития.

Теперь мы видим, какое значение имеют для нашего мировоззрения изложенные идеи дарвинизма и исторического материализма о происхождении и сущности высших нравственных заповедей. Ведь учение о нравственности— последнее укрепление, за которым оказались люди, желающие при помощи религии удержать опеку над рабочими массами. Разглядывая „земной“ характер высших нравственных заповедей, мы сбрасываем многие духовные оковы, а в первую очередь—религию. Вместе с тем, солидарность, укрепляется, как только мы узнаем, что корень ее—древнейшее чувство человеческого рода.

Х. ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К ДАРВИНИЗМУ И ИСТОРИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ.

Хотя дарвинизм и исторический материализм были провозглашены почти одновременно и хотя между ними имеется много родственного, но судьба их была неодинакова. Правда, оба эти учения одинаково неприветливо были встречены частью ученых и общества, но эту неприветливость особенно сильно чувствовал исторический материализм.

Теория происхождения видов подверглась серьезным нападкам со стороны сравнительно немногих лиц. И их сопротивление было, в конце концов, сломлено, благодаря необходимости справиться со все растущей из года в год массой единичных фактов, которые могли быть объединены и систематизированы лишь при помощи основной идеи учения о развитии. Но по сравнению с теми успехами, которые были достигнуты дарвинизмом, ставшим прочно установленной истиной, работа над применением и развитием учения Маркса и Энгельса кажется слабой и недостаточной. Правда, еще сам Маркс превратил изложенные им в „Критике“ идею в грандиозную систему „Капитала“, а Энгельс дал нам ряд весьма ценных философских работ. Ученики Маркса и Энгельса, а именно: Каутский, Меринг, Плеханов, Лафарг, Дицген, А. Лабриола, Кунов и др., продолжали начатый труд и обогатили науку некоторыми весьма ценными работами. Но, если сравнить то, что сделано, с гигантской работой по приложению метода марксизма к разным областям науки, которая нам

предстоит, если сравнить развитие марксизма с теми крупными исследованиями, начало которым было положено трудами Дарвина, то трудно отделаться от чувства некоторой неловкости.

Но это чувство исчезнет, если мы примем во внимание, что именно сила учения Маркса и Энгельса является причиной его медленного развития. Учение „преобразующей практики“ само сделалось движущей силой преобразующей практики. Оно ведет к революционной практике, и передовым бойцам за него не хватало времени, чтобы работать над его дальнейшим развитием. Это учение является теорией революции, и потому буржуазное государство мобилизовало против него свои университеты, своих ученых и философов, которые из шкуры лезут вон, стремясь опровергнуть те простые положения, которым давно бы пора стать азбучными истинами. Таким образом, отрицательное отношение ученых и, вообще, „образованного общества“ к марксизму, и, в особенности, к той его части, которая называется историческим материализмом, является вполне закономерным и закономерным именно с точки зрения исторического материализма. Ибо это доказывает, что сама наука не есть что-то абсолютное, надклассовое, что она также движется вперед классовой борьбой, как и все остальное.

Как правильно отметил Меринг, буржуазное общество теперь относится к историческому материализму приблизительно так, как оно в прошлом поколении относилось к дарвинизму и почти полвека тому назад к социализму. Оно его осмеивает, но не понимает его. Мало-по-малу и с большим трудом оно соглашлось признать, что дарвинизм есть нечто иное, чем „обезьянья теория“, и что социализм добивается чего-то другого, чем „дележа“ и „расхищения трудов тысячелетней культуры“. Но исторический материализм в его глазах все еще лишь стоит того, чтобы осыпать его глупыми и дешевыми полемическими словечками, вроде того, что эта теория представляет собой „хищную меру“, выдуманную парой „способных демагогов“.

Главным противником дарвинизма было духовенство, противниками же исторического материализма являются не только „святые отцы“, но и вся буржуазная наука. Ибо

каждый общественный строй создает свою идеологию, имеет свою науку. Иначе говоря, наука имеет классовый характер, на ней отражаются интересы того класса, который в данном общественном строе стоит у власти. Недаром английский ученый Тэйлор сказал, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-либо интересы, то о ней до сих пор спорили бы, и находились бы профессора, которые по заказу заинтересованной стороны доказывали бы, что дважды два немного больше или немного меньше четырех.

Как известно, средневековый феодальный общественный строй, „старый порядок“, держался, главным образом, своей неподвижностью. Вся жизнь с ее ужасной эксплуатацией (крепостничеством), заоченела в однообразных, веками сложившихся, формах, которые казались вечными и неизменными. Церковь и „наука“, как указывает Покровский, были приспособлены к доказательству этой идеи о неподвижности всего существующего. И когда появились люди (Коперник, Бруно, Галилей, Кеплер), заявившие, что „наука“ средневекового духовенства все врёт, что все в мире движется, что даже сама земля не стоит на одном месте, то это было настоящей революцией, настоящим „потрясением основ“. Ибо весь строй веками укоренившихся понятий попал под сомнение, стал оспариваться. Ведь, если астрономическая теория церковной „науки“ (библия) не верна, то как спасти ее общественную теорию, учившую, что один и тот же бог устроил солнце, чтобы оно служило для освещения, и повелел рабам беспрекословно служить своим господам? Классовый интерес средневекового помещика, дерущего оброк со своих крепостных и гоняющего их на барщину, требовал, чтобы доказана была „неправота“ действительной науки. Немудрено поэтому, что именно со стороны помещиков и церкви учение Дарвина о развитии встретило самый живой отпор.

Буржуазное общество, пришедшее на смену феодальному, крепостническому, напротив, само жило и живет движением. Поэтому, теория „эволюции“, т. е. медленного, постепенного развития всего сущего, становится модной буржуазной теорией. Но власть эволюции ограничена—

для „священной собственности“ развития не существует. А вместе с нею „вечной истиной“ является и та мораль, которая учит уважать частную собственность. И чтобы доказать незыблемость буржуазного порядка, она ссылается уже не на „волю божью“, а на идеалистическую философию. Последняя, в противоречии с механическим научным мировоззрением и с материалистической философией, признает, что человек не есть просто явление в ряде других простых явлений, что в нем есть некоторая „умопостигаемая“ сущность, некоторое „незыблемое, вечное“ начало, которое стоит вне законов природы, которое не зависит от законов причинности и не подлежит изменению. Это—воля человека, его „нравственная природа“, голос его совести, словом, то, что так тщательно охраняется от „порчи“ школой, церковью, судом, исправительной тюрьмой и другими „опекунами“. А если это так, если в человеке действительно имеется такое „вечное“ начало, то является возможность оторвать человеческую личность от связанного механической причинностью мирового процесса. В этом смысле человеческая воля совершенно свободна, люди делают то, что им хочется, а следовательно, история не может быть наукой. Словом, буржуазные ученые признают закон эволюции, но сильно ограничивают его применение.

Вульгарные идеалисты-историки, обыкновенно, не отрицают существования исторической науки, но они фальсифицируют, подделывают ее. На место реальных причин исторических перемен они подставляют „идеи“, т. е. нечто неуловимое и неосязаемое—те понятия, которые существуют у людей по разным вопросам жизни, и под влиянием которых они действуют. Так, напр., они объясняют французскую революцию стремлением французов к равенству. Но откуда взялась идея равенства,—на этот счет никаких изысканий не производится, так что получается картина, будто „идея“ это что-то существующее само по себе, независимо от внешней обстановки, от материальных потребностей человека. С этой точки зрения, некоторые „права человека“, в том числе, конечно, и право собственности, дарованы человеку самой природой, и потому неотчуждаемы и неизменяемы. Таким образом, буржуазный строй пытается

увековечить себя точно так же, как это старался феодальный, но другими средствами, более „тонкими“. Вот почему буржуазные ученые, обыкновенно являющиеся представителями буржуазии, как по своему общественному положению и мирозерцанию, так и по своей службе, замалчивают исторический материализм, или же всеми силами отвергают его и развивают исторический идеализм. Если исторический материализм и попадает в университет, то уж в самом урезанном, извращенном и карикатурном виде.

Итак, буржуазные ученые отнеслись к марксизму, вообще, и к историческому материализму, в частности, совершенно отрицательно. И только в противоположность буржуазной науке, как особая пролетарская наука, новое мировоззрение могло пробить себе дорогу.

Отсюда вывод: всякая научная истина имеет классовый характер, т. е. то, что является неопровержимой правдой для одного класса, совершенно отрицается другим.

XI. ДАРВИНИЗМ И КОММУНИЗМ

Классовый характер научных истин довольно заметно обнаруживается даже в борьбе за естественно-научные идеи. Так напр., идея Дарвина о борьбе за существование в мире живых существ отвергалась некоторыми учеными (в особенности известным ученым Вирховым) на том основании, что принятие такой идеи укрепляет позицию пролетариата и тем служит обоснованием социализма. Другие же ученые (в первую очередь Геккель), наоборот, считали, что учение Дарвина о борьбе за существование как раз обосновывает власть „высших“, культурных классов и, следовательно, превращает идею социализма в фантазию.

Вопрос этот заслуживает некоторого внимания и поэтому мы на нем немного остановимся.

Дарвинизм, как мы видим, представляет собой новую научную истину, которая имеет целью прежде всего бороться с религиозными предрассудками и темнотой. Поэтому дарвинизм, с одной стороны, встретил горячие отклики среди либеральной, прогрессивной буржуазии, кото-

рая хотела господствовать, и вследствие этого должна была вести борьбу с реакционными, темными силами (с феодальным классом, т. е. с дворянством, привилегированным духовенством и кулаками), а с другой—вражду реакционеров, которые держали в своих руках власть при помощи религии. Старый класс опирался на традиции, на стародавние права, данные богом. Ясно, что в интересах буржуазии было подкопаться под „божии права“ старых господ, побороть веру и традиции. А так как дарвинизм был для этой цели прекрасным оружием, то буржуазия с большим пылом приняла это учение, как только оно появилось. Таким образом, научный спор велся с большой горячностью, и книги, защищавшие или опровергавшие Дарвина, имели характер общественного спора, независимо от того, что их писали исследователи законов природы. Коротко говоря: борьба за дарвинизм явилась отражением происходившей в обществе классовой борьбы.

Но борьба, которую вела буржуазия против феодализма, не была доведена до конца. Это случилось отчасти потому, что везде появился революционный пролетариат, который нес с собой красный призрак коммунизма и тем угрожал всем господствующим классам, включая и буржуазию. Прежняя горячность буржуазии в борьбе против религии совершенно исчезла, и реакционные элементы стали все более и более подыматься в гору. В этот момент буржуазия, учитывая большую роль дарвинизма в ее борьбе со старыми реакционными классами, начала пользоваться дарвинизмом также в борьбе с пролетариатом (тем более, что пролетариат с восторгом принял это учение за свое). Когда либеральная буржуазия атаковала реакционеров, тогда реакционеры, указывая на пролетариат, предостерегали буржуазию, что эти нападки могут довести не только до совершенного уничтожения всякого авторитета, но и до совершенной потери уважения к правам «священной собственности».

Упомянутый нами Вирхов—крупный ученый-патолог и большой реакционер в области политики—в своей речи на конгрессе естествоиспытателей в Мюнхене в 1887 г., резко обрушился на дарвинизм и предавал эту теорию

буквально политическому проклятию,— настаивая, конечно, на недопущении ее в среднюю школу. Его выступление служит ярким примером того, какое значение имеет классовый момент в научном мировоззрении. „Дарвинизм—воскликнул он—прямо ведет к коллективизму“. И обращаясь к горячим защитникам дарвинизма, он говорил: „Будьте осторожны с этой теорией, так как она очень приближается к той теории, которая наделала столько зла в соседней стране“. Это был намек на Парижскую коммуны, и так как он был сделан во время страшных преследований социалистов, то он должен был иметь значительное влияние*).

Пламенным защитником дарвинизма на этом съезде ученых был Геккель. Последний, выступив в защиту свободы мысли, понял слова Вирхова, как упрек, будто он, Геккель, был в союзе с красными французскими революционерами. Это очень обеспокоило его, так как он ничего общего не хотел иметь с теми революционерами и, вообще с социализмом, и он поспешил опровергнуть Вирхова. Как на конгрессе, так и после конгресса, Геккель пытался доказывать, что, собственно, теория Дарвина указывает на абсолютную утопичность социалистических стремлений, и что дарвинизм и социализм согласуются так, как „огонь с водой“. Другой дарвинист, Оскар Шмидт, по этому поводу писал: „Если бы коллективисты были догадливы, они сделали бы все, чтобы задушить теорию происхождения видов, так как это учение ясно доказывает, что идеалы коллективистов не осуществимы“.

Аргументы Геккеля (как и вообще всех «ученых», которые основывают свою критику коммунизма на дарвинизме) вкратце следующие.

Социализм—это теория, которая утверждает, что все люди по природе равны, и стремится к уравниванию людей также в общественной жизни; равные права, равные обязанности, равное пользование благами, равные удовольствия—это социализм. Дарвинизм же является научным

---

*) Всегда воздержанный в своих выражениях Дарвин писал по этому поводу Геккелю: „Поведение Вирхова отвратительно, и надеюсь, что ему самому когда-нибудь будет стыдно“.

доказательством неравенства: он доказывает, что „в человеческих обществах, как и в животных, ни права, ни обязанности, ни блага, ни наслаждения всех членов общества не будут и никогда не могут быть равными“. Теория Дарвина доказывает, что развитие животных идет по направлению все большего распределения труда, так что, чем больше развито животное, тем больше неравенства между ним и другими животными. То же относится к общественности: тут тоже есть распределение труда между классами, и чем выше мы стоим в общественном развитии, тем больше разницы и неравенства в зависимости от ловкости и таланта. Поэтому дарвинизм является «лучшим аргументом против абсурдных социалистических утопий—сделать всех людей равными». Социализм хочет уничтожить конкуренцию и борьбу за существование, а это противоречит учению Дарвина о «жестокой и безжалостной» борьбе за существование и о «победе сильнейшего». По дарвинизму, эта борьба является неизбежной, и это есть закон природы, обязательный для всего органического мира. Эта борьба вызывает непрерывное усовершенствование, состоящее в том, что все негодные, неприспособленные к жизни гибнут, и только незначительное привилегированное меньшинство, приспособленное к борьбе, выживает и развивается: „много званых, но мало избранных“. Следовательно, принцип собора Дарвина менее всего демократичен, напротив, он глубоко аристократичен“. И Геккель заключает, что „чем больше развивается культура, тем больше разница и пропасть между классами в обществе“, и что поэтому «стремление к коммунизму есть стремление к возвращению в „варварство“.

Приблизительно такие же взгляды развивал известный философ Спенсер, употребляя дарвинизм для защиты буржуазного, капиталистического строя. На первый взгляд, эти соображения кажутся очень сильными, но, несмотря на это, марксистам и, стало быть, коммунистам, усвоившим принципы дарвинизма, их нетрудно опровергнуть: правда, в общем, на стороне ненавистника социализма и дарвинизма Вирхова!

С Геккелем случилось то, что часто бывает с ученым мастером в своей области, если он берется не за свое

дело, в особенности, если он становится политиком. Честный и смелый борец, пока дело шло о свободе мысли, о развитии науки, он выступил тупым, невежественным буржуа, как только перешел на почву политики. Все то, что им сказано о несовместимости дарвинизма с учением о коммунизме, представляет собой возмутительный вздор, и невольно недоумеваешь, откуда Геккель его взял. Вот что по этому поводу писал Тимирязев:

„О правах и об имуществвах эволюционная теория, понимаемая в ее обычных рамках, конечно, ничего не говорит. Много-много, если она может говорить об одинаковом потреблении, т. е. питании, и одинаковом обязательном труде, но ни Геккель, ни его друг Шмидт, не нашли бы в эволюционной теории доводов в пользу недоедания одних частей и переедания других, будут ли это органы одного организма или, выражаясь метафизически, органы одного социального организма. Ведь атрофированные так же, как и гипертрофированные органы одинаково вредны. Так же и по отношению к труду, или на языке эволюционной теории—по отношению к упражнению или неупражнению органов теория эволюции учит, что неупражнение органов ведет их к вырождению—к тому же, конечно, приводит и переутомление. А чему учит жизнь помимо науки? Бедному Геккелю, конечно, как и всем нам, опыт проклятой войны показал, что потребление не только может, но и должно быть уравнено между гражданами одной страны. То же и относительно работы; недаром даже буржуазные правители, под давлением той же проклятой войны, заговорили об уравнительной трудовой повинности. Значит, о необходимости уравнивания производства и потребления одинаково свидетельствуют и наука, и жизнь. Следовательно, утверждать, что установление равенства в труде и потреблении—утопия, осуждаемая наукой, чистый вздор. Но еще бессмысленнее также двукратно повторяемое Геккелем утверждение, что дарвинизм по существу „аристократичен“ и потому враждебен социализму. И здесь снова Геккель играет словами, сам поясняя, что под словом аристократизм он разумеет „переживание наиболее приспособленных“. Но спрашивается, о каком аристократизме (или приспособлений) здесь идет речь: об

аристократизме щедринских генералов, неспособных сами себя прокормить, или об „аристократизме“ мужика, способного прокормить и себя, и этих неспособных генералов? И почему, дважды повторяя эту глупую фразу, он не вспомнил, что говорил в восьмой главе „естественной истории творения“ об умственном вырождении (наследственном слабоумии) дворянских и особенно коронованных родов—тут шла речь о действительном, а не фигуральном „аристократизме“.

В то время, как в борьбе за существование те животные, которые здоровы и сильны, выживают,—ничего подобного не осуществляется при капиталистической конкуренции. Тут, как правильно указывает Паннекук, победа зависит не от способности тех, которые ведут борьбу, а зависит от вещей, которые лежат вне их собственных особ: от денег, от капитала. Кто владеет большим капиталом, побьет того, кто имеет меньший капитал, несмотря на то, что последний может быть гораздо способнее первого. При этом, когда гибнут мелкие капиталисты, то гибнут не физически, как люди, а как капиталисты, они не вычеркнуты из списка живых, а только из списка капиталистов. Они продолжают свое существование, но не как буржуа. Ясно отсюда, что конкуренция в капиталистическом строе имеет совсем другие последствия, чем борьба за существование у животных.

Интересно еще вот что: гибнут рабочие, т. е. люди, которые являются членами совсем другого класса, не принимающего участия в конкуренции. Они умирают от бедности, от нужды, не потому, что по слабости своей они потерпели поражение в борьбе, а потому, что им очень мало платят за их рабочую силу. Это является причиной того, что их дети, несмотря на то, что рождаются здоровыми и сильными, гибнут тысячами, а дети богатых родителей, хоть немощные и больные, остаются жить, благодаря уходу и врачебной помощи. Мы, таким образом, опять констатируем факт, что, в противоположность животному царству, конкуренция и борьба между людьми не оставляет в живых наилучших и способнейших, но губит много сильных и здоровых потому, что они бедны, и, наоборот, оставляет в живых богатых, несмотря на немощность и болезни.

Итак, коммунизм ясно доказывает, что не личные особенности являются решающим фактором в борьбе, а нечто независимое от личности, а именно: деньги, решающие, кто остается в живых, а кто гибнет. Но в таком случае не может быть речи о том, что коммунизм находится в противоречии с дарвинизмом. Наоборот, дарвинизм служит для коммунизма одной из основных научных посылок. Те, которые на основе дарвинизма критикуют коммунизм и его отвергают, не понимают—или не хотят понять—сущности коммунизма. Невольно еще раз вспоминаются слова Плеханова, что буржуазные писатели, ссылаясь на дарвинизм, выдвигают не научные приемы Дарвина, а инстинкты тех зверей, которых изучал Дарвин.

Новые общественные науки развились только вместе с развитием капиталистического способа производства и всемирного рынка, они могли дать что-нибудь крупное только тогда, когда капитал уже достиг господства, и когда вместе с ним выступила на сцену мировой истории прогрессивная сила, самый революционный класс—пролетариат.

А учение о борьбе классов мог воспринять только этот класс. Ибо класс, который еще хочет завоевать власть в обществе, должен вести борьбу за власть, он легко понимает ее необходимость. Класс, обладающий уже властью, смотрит на борьбу за нее, как на ненужное препятствие, и относится отрицательно ко всякому учению, которое доказывает ее необходимость. И он будет бороться с учением о борьбе классов тем сильнее, чем больше оно является теорией общественного развития, рассматривающей победу над современными господствующими классами, как необходимое завершение борьбы классов.

Но и теория, согласно которой люди являются продуктом общественных условий и отличаются друг от друга, как члены различных общественных формаций, даже эта теория неприемлема для консервативного класса, так как она признает единственным средством для изменения людей—изменение самого общества. Пока буржуазия была революционным классом, она симпатизировала теории, по которой люди являются продуктом общества, но, к сожалению,

---

науки, из которых можно было узнать движущие силы общественного развития, были тогда мало развиты. Французские материалисты XVIII века не знали борьбы классов и не обращали внимания на развитие техники. Они, поэтому, хорошо знали, что для изменения людей необходимо изменить общество, но они не знали, откуда возьмутся силы, при помощи которых общество могло бы быть изменено. Они видели эти силы во всемогуществе отдельных необыкновенных личностей, главным образом, педагогов. Дальше этого, буржуазный материализм не пошел.

Как только буржуазия взяла в свои руки власть, она стала консервативным классом. Для нее сделалась невыносимой мысль, что вину за все современные бедствия несут общественные условия, которые и должны быть поэтому изменены. Поскольку она еще мыслит естественно-научным образом, она старается доказать, что люди по самой своей природе таковы и должны быть такими, как теперь, что желание изменить общество есть ничто иное, как желание перевернуть естественный порядок вещей. Однако, надо обладать слишком исключительным естественно-научным образованием и совершенно освободиться от всякого соприкосновения с современными общественными отношениями, чтобы думать, что они будут существовать вечно, как естественная необходимость. У громадной части буржуазии не хватает мужества признать, что это не так, и она ищет утешения в отрицании материализма и признании свободы воли. Не общество делает людей, утверждает она, а люди творят общество по своему желанию. Общество не совершенно, потому что не совершенны люди. Мы должны усовершенствовать общество, но не путем его изменения, а тем, что мы совершенствуем отдельных людей, внушаем им правила высшей морали. Более совершенные люди создадут более совершенное общество. Таким образом, этика и признание свободы воли становятся излюбленной доктриной современной буржуазии. Эта доктрина должна свидетельствовать о желании буржуазии бороться с общественным неустройством и в то же время не обязывает ее к какой-нибудь серьезной реформе, напротив, делает последнюю излишней.

Тому, кто стоит на почве буржуазного общества, точка зрения этого общества мешает усвоить все результаты, которые могут быть добыты на основе единства всего научного познания, как оно установлено Марксом. Только тот, кто относится к существующему обществу критически, кто стоит на почве пролетариата, может понять эту теорию. Вот почему мы можем отличать пролетарскую науку от буржуазной.

Конечно, эта противоположность между ними сильнее всего проявляется в общественных науках, тогда как противоположность между феодальной, или католической, и буржуазной наукой всего ярче выступает в области естественных наук. Но мышление человека всегда стремится к единству, различные научные дисциплины влияют друг на друга, а поэтому и наши социальные понятия оказывают воздействие на все наше миропонимание. Таким образом, противоположность между буржуазной и пролетарской наукой, в конце концов, сказывается и в естествознании—в области точных наук.

Как видно из вышеизложенного, марксизм объясняет и свое происхождение историко-материалистически. Марксизм—пролетарская наука.

Но противники марксизма и слышать не хотят о том, что возможна классовая наука. С недоумением—а иногда, как уже сказано, просто с хохотом—они спрашивают: разве может быть речь о буржуазной и пролетарской математике, о классовой астрономии и т. д.?

Но ставящие этот вопрос не понимают, или отказываются понимать, ту простую истину, что в каждой науке имеются две стороны: во-первых—положения, правила, факты, во-вторых—идеи, выводы, обобщения. Поскольку наука имеет дело с первой стороной дела, поскольку она имеет дело с положениями математики, правилами механики, фактами астрономии и т. д., и вообще говоря, устанавливает зависимости, не затрагивающие области классовых отношений, постольку наука как бы входит в систему орудий производства и, не являясь идеологией, не носит классового характера, как не носит классового характера и машина. Напр., положение геометрии о том, что прямая

линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками, вовсе не классовая истина и даже не „общечеловеческая“, а „общеживотная“, и с областью классовых интересов вообще не соприкасается. Ведь и гуси, когда они отправляются на водопой, идут не по кривой или ломаной линии, а только по прямой, и это они делают на основании бесчисленных опытов своей жизни и жизни своих предков и сложившихся на этой почве жизненных привычек и инстинктов. Но совсем иначе обстоит дело со второй стороной науки—с общими идеями. Ибо поскольку наука становится идеологией и своим мировоззрением, своей „системой“, своей обобщающей „картиной мира“ или социальными выводами, затрагивает классовые интересы, она тотчас становится предметом ожесточенной классовой борьбы, как это видно на примерах теорий Коперника, Дарвина, Маркса и т. п. Как мы здесь видели, особенно это относится, по самой сути дела, к общественной науке, в которой классовый характер выступает всегда заметно резко.

Всякий гибнущий, упадочный класс невольно отворачивается от действительности, которая несет ему гибель, смерть, и в результате он стремится к подрыву науки, к уходу в мистицизм, метафизику, средневековье, к оживлению религиозных, идеалистических, давно похороненных, анти-научных методов мышления (в настоящее время у нас, в советской России, это выражается в форме похода целого ряда буржуазных „ученых-академиков“, на основе естественно-научного материализма, на принципы дарвинизма и т. д.). Но и всякий консервативный класс хочет задержать ход истории: отсюда—его стремление затушевать, стереть действительные тенденции, действительную закономерность развития. Словом, классовая заинтересованность бессознательно, а то и сознательно, толкает науку на ложный путь.

Как уже сказано, в естествознании классовый дух науки чувствуется гораздо меньше, чем в обществознании. Но это объясняется только тем, что естественные науки слишком тесно связаны с техникой, чтобы резкое привнесение здесь выводов, подсказанных ученому классовыми интересами, было всегда возможно, ибо неверные обоб-

---

щения большею частью сейчас же невыгодно отражаются на практике. Современное естественно-научное мировоззрение тем, ведь, и отличается от предшествующих, что оно не только теория, не только объясняет мир, но и является практикой, помогает нам изменять мир в желательном направлении. Поэтому сама буржуазия, снимающая золотые пенки с успехов техники, материально заинтересована в том, чтобы естествознание, т. е. наука, лежащая в основе техники, было близко к действительному существу изучаемых явлений природы. Однако, никто не может самого себя поднять за волосы: человек, стоящий обеими ногами на почве капиталистического строя и находящийся всецело под его гипнозом, невольно подмечает и подчеркивает, главным образом, то, что всего ближе его классовой психологии. И в результате даже естествознание — точнее, естественно-научное мировоззрение — имеет классовый характер.

Что же касается пролетариата, то он, конечно, тоже имеет определенную идеологию и, следовательно, определенные научные симпатии. Но он — класс революционный по существу, и поэтому он заинтересован не в искажении или затушевании действительности, а в ее точном, объективном познании. Как класс, борющийся против всяких классовых противоречий, стремящийся к уничтожению классового деления человечества, пролетариат не боится действительности, законы которой работают в конечном счете за него. Еще Лассаль отметил, как для настоящих революционеров всегда важно установить, что есть на самом деле, ибо раскрытие истин действительности во всей полноте только помогает. Вот почему мы вполне определенно можем сказать, что только пролетарская наука имеет объективный, общезначимый — „общечеловеческий“ — характер, только она одна представляет собой истинную, а не фальсифицированную науку.

ХIII. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Спор об отношении учения Дарвина к учению Маркса вращался чаще всего вокруг вопроса о революции. Широко распространено мнение, что дарвинизм это учение

об эволюции, а эволюция прямая противоположность революции. Но так ли это? Действительно-ли можно отождествить понятие эволюции с представлением о совершенно мирном процессе?

Посмотрим, прежде всего, как представляет себе марксизм процесс развития.

Как уже сказано, для Маркса и Энгельса борьба классов была только особой формой всеобщего закона развития в природе, который далеко не является мирным. Развитие является для марксизма „диалектическим“ процессом, т. е. продуктом борьбы противоположностей, которые возникают с необходимостью. А всякая борьба непримиримых противоположностей кончается победой какой-нибудь из борющихся сторон, следовательно, ведет к катастрофе. Катастрофа эта может подготавливаться очень медленно, сила одной из борющихся сторон может увеличиваться совершенно незаметно, а сила другой из них абсолютно или относительно уменьшаться, и все-таки поражение одной из них неизбежно. Но это поражение неизбежно не потому, что это явление совершается само собой, а вследствие борьбы и роста силы одной стороны.

Вот почему каждый общественный строй включает в себе элементы новых производственных отношений, а, следовательно, и нового общества, представляющего собой его отрицание. По мере развития производительных сил, растут и новые общественные элементы, пока существующие производственные отношения не превратятся в оковы для дальнейшего экономического процесса. В результате неизбежно происходит их „отрицание“, и наступает эпоха общественного переворота: старые производственные отношения резко уничтожаются и заменяются новыми.

Эта точка зрения составляет основной принцип и революционную сущность марксизма и главное отличие его от различных эволюционных экономических доктрин буржуазных ученых. Ведь отсюда прямой вывод, что форма, в которой совершается диалектический процесс исторического развития, есть борьба классов. А этот-то вывод не „по духу“ буржуазным ученым, против него они больше всего и выступают.

Если мы признали, что главное влияние в истории имеют экономические условия и главной пружиной общественного развития являются материальные потребности человека, то это еще ничего не говорит о том, как мы себе представляем это развитие. Может быть, оно состоит из ряда мелких, совершенно мирных хозяйственных перемен, постепенно преобразующих общество. И в таком случае можно быть мирным эволюционистом и тоже называть себя „историческим материалистом“, как это и делает ряд ученых—Роджерс, Зелигман и др. Но, как мы видели, Маркс и Энгельс вовсе не были мирными эволюционистами: они представляли себе историю не как мирное развитие, а как борьбу — жестокую, непрерывную борьбу между общественными классами. Действительный исторический материализм, в отличие от буржуазного, или мирного, т. е. эволюционного, является революционным учением: он не только объясняет историю экономическими причинами, но и представляет себе эти экономические причины в форме борьбы противоречий—классовой борьбы.

Чтобы опровергнуть борьбу классов и революции, чтобы доказать, что всякое развитие представляет собой мирный процесс, буржуазная наука обращается прежде всего к естествознанию, к изучению естественного развития. Но интересно то, что, как правильно указывает Каутский, пока буржуазия была революционна, до тех пор и в естественной науке (в геологии и биологии) господствовали теории катастроф, в основе которых лежало представление, что развитие природы идет внезапными, резкими скачками. Когда буржуазная революция была вполне завершена, на место теории катастроф, выдвинулось учение о постепенном незаметном развитии, являющемся результатом накопления бесчисленного множества крохотных шажков вперед и приспособлений к конкуренционной борьбе. Революционной буржуазии очень близка была мысль о катастрофах не только в обществе, но и в природе, консервативной буржуазии эта идея стала казаться неразумной и неестественной.

Это вовсе не значит, что при создании своих теорий, в каждый данный момент, естествоиспытатели руководятся политическими и социальными потребностями буржуазии.

Совсем нет. Те самые люди, которые выступали приверженцами теории катастроф, по своим политическим взглядам являлись иногда завзятыми реакционерами, а отнюдь не революционерами. Но дело в том, что всякий ученый невольно поддается способу мышления того класса, среди которого он живет, и всякий вносит кое-что из этого способа мышления в свои научные воззрения.

Само собой разумеется, что зависимость данного воззрения от настроения тех классов, среди которых оно возникает, не может служить доказательством верности или неверности этого воззрения. Но от их настроения очень может зависеть исторический успех данного воззрения. Если новые теории развития были быстро и с восторгом приняты широкими кругами народа, не имевшими абсолютно никакой возможности их проверить, то объясняется это тем, что названные теории соответствовали глубоко чувствовавшимся потребностям данных слоев общества, с одной стороны,—и это обстоятельство делало их ценными даже в глазах революционных слоев народа,—теории развития гораздо радикальнее, чем старые теории катастроф, устраняли всякую необходимость признания сверхъестественной силы, которая создает мало-по-малу мир отдельными актами творения; с другой стороны,—и этим они всего больше нравились буржуазии,—теории развития всякую революцию, всякую катастрофу объявляли чем-то неестественным, находящимся в противоречии с законами природы, а, следовательно, и неразумным. Кто теперь хочет вести на научной почве борьбу против революции, тот делает это во имя естественно-научной теории эволюции, которая говорит, что природа не знает скачков, что какое внезапное изменение общественных отношений невозможно, что прогресс может совершаться только путем суммирования мельчайших изменений и улучшений, называемых, в области жизни общественной, социальными реформами. Революция, с этой точки зрения, представляется понятием совершенно не научным, по поводу которого научно-образованные люди могут только пожалеть плечами.

Но можно-ли общественные явления прямолинейно, без всяких, ограничений приравнять к явлениям природы?

Ни в коем случае. Ибо нельзя на основании только внешнего сходства переносить закон, имеющий силу для одной из этих областей, на другую, напр., проблемы полового размножения и наследственной передачи разрешать просто путем применения законов химических соединений. А между тем, такую-же ошибку делают, когда законы природы прямо применяют к обществу, — напр., когда, ссылаясь на борьбу за существование, объявляют конкуренцию естественной необходимостью, или когда из законов естественной эволюции выводят неразумность или невозможность общественной революции.

Но интересно и важно для нас то, что факты постепенно вынуждают ученых снова отводить в области развития природы более широкое место катастрофам. Совершается некоторый синтез старых теорий катастроф с новыми теориями эволюции, сходный с тем синтезом, который нашли они в марксизме. Как марксизм различает медленное экономическое развитие и более быстрый переворот юридической и политической надстройки, так и некоторые новейшие биологические теории, наряду с медленным накоплением мелких и мельчайших изменений, признают и резкие, коренные изменения форм, катастрофы, являющиеся результатом первых.

Замечательный пример в этом отношении представляют наблюдения де-Фриса. Он нашел, что виды растений и животных долго остаются неизменными; одни в конце концов, погибают, когда сделаются устарелыми и окажутся неприспособленными к жизненным условиям, изменившимся за это время; другие виды счастливее, они, — как выражается сам де-Фрис, — внезапно „взрываются“, чтобы дать жизнь множеству новых форм, из которых некоторые выживают и размножаются, а остальные, несоответствующие условиям жизни, погибают.

Как ни оценивать работы де-Фриса, не может быть речи о том, будто бы природа никогда не делает скачков. Простой, общеизвестный пример, — а именно, акт родов, показывает это достаточно наглядно. Ведь акт родов есть скачек. Зародыш, который составляет часть материнского организма, имеет общее с ним кровообращение, получает от него питание, не дышит, — при родах сразу превра-

---

щается в самостоятельное человеческое существо, которое имеет собственное кровообращение, дышит и кричит, принимает и выделяет через кишечный канал собственную пищу.

Аналогия между родами и революцией не ограничивается одною лишь скачкообразностью процесса. Всмотриваясь в дело ближе, мы видим, что это скачкообразное превращение распространяется при родах только на функции. Органы развиваются лишь медленно, и только на известной ступени их развития становится возможным тот скачек, который одним ударом заставляет их функционировать. Если скачек происходит раньше, чем достигнута эта ступень развития, то в результате получается не начало нового функционирования органов, а прекращение всех функций, смерть нового существа. С другой стороны, как бы долго ни продолжалось медленное развитие органов в утробе матери, новые функции этих органов никогда не могли бы возникнуть без революционного акта родов. На известной ступени развития органов зародыша этот революционный акт становится неизбежным.

Современное развитие астрономии, геологии, физики, химии, биологии и других наук о природе дает нам громадный материал, определенно говорящий о том, что революционные, скачкообразные явления встречаются в природе наряду с эволюционными, плавными. В основной естественной науке, в физике, недавно возникла даже крайне интересная теория — „теория квант“, — которая заявляет, что плавность течения процессов, наблюдаемая нами, оказывается видимостью, под которой скрывается прерывистость, скачкообразность, внезапный, а не эволюционный характер мельчайших переходов в состоянии вещества. Согласно этой теории, скачек является общим законом природы, совершенно обратно старому изречению: „природа не делает скачков“. А какое большое значение в науке получила эта юная теория, об этом свидетельствует следующее заявление знаменитого физика Оливера Лоджа: „Мы так далеко отошли от положения, согласно которому природа не делает скачков, что становится сомнительным, делает ли она что-либо без них. И до сих пор плавный ход ее, более детально исследованный, начинает походить на своего рода скачку с препятствиями“.

У Дарвина слово „революция“ не встречается. Но это, вероятно, потому, что в биологии это слово вызывало еще свежие воспоминания об опровергнутых наукой воззрениях Кювье о геологических катастрофах, совершившихся будто бы с быстротой какой-нибудь театральной частой перемены декораций и сопровождавшихся исчезновением целого населения земли и сотворением нового. Но зато у единственного, унаследовавшего качества своего отца, сына Дарвина, Джоржа—известного астронома—мы неоднократно встречаем подробное и отчетливое развитие мысли о научной, однородной связи (а не простой риторической только аналогии) между понятиями о революции в сфере явлений политических и в сфере явлений мировых и просто механических. При этом, развивая свою мысль о научной закономерности явлений революции, — мысль, конечно, не рассчитывающую на сочувствие буржуазной английской аудитории, Джорж Дарвин умышленно сделал оговорку: „Человек, который носит имя Дарвина, высказывая суждения об эволюции, должен сознать всю ответственность, которую при этом берет на себя“.

Таким образом, марксизм дополняет и развивает идею Дарвина об эволюции, показывая, что всякое развитие есть, в сущности говоря, процесс диалектический. Он утверждает, что в процессе мирового, в частности исторического, развития нет ничего постоянного, напротив, все находится в состоянии непрерывного изменения и становления, что каждая новая стадия развития представляет собой отрицание предыдущей, и что, следовательно, относительно каждого объекта возможно одновременно, как утверждение, так и отрицание.

В самом деле. Если в повседневной жизни мы знаем, живо-ли данное животное или нет, то при более точном исследовании, мы, однако, находим, что это подчас—крайне запутанный вопрос. Юристы и врачи, напр., не установили точно момента, когда ребенок начинает жить в утробе матери, и, когда, следовательно, удаление плода является убийством ребенка. Каждое существо в каждый данный момент и то же и не то же. В каждый момент умирают одни клетки его тела и обнаруживаются новые; по истечении более или менее долгого времени существо каждого тела совершенно

обновляется. Таким образом, каждое тело в своем развитии в каждый данный момент является и тем же самым и чем то иным. При этом всякое движение, всякое развитие есть борьба непримиримых противоположных сил и неизбежно кончается катастрофой. Всякая смерть есть ничто иное как катастрофа. Все, что существует, подвержено таким катастрофам. Этот закон верен не только для животных и растений, он распространяется на целые общества, континенты, небесные светила. И для них ход всеобщего процесса развития, путем постепенного нарастания противодействий; подготавливает периодические катастрофы. Последние представляют необходимую стадию развития: эволюция невозможна без периодических революций.

Итак, в обществе, как и в природе, есть скачки, причем, эти скачки подготавливаются предыдущим ходом вещей. Другими словами, в обществе, как и в природе, постепенное развитие или эволюция приводит к скачку или революции. Плеханов выражал эту идею так: „Скачки предполагают непрерывное изменение, а непрерывное изменение приводит к скачкам. Это—два необходимых момента одного и того же процесса“.

Марксизм, таким образом, одинаково устраняет, как то представление, по которому развитие совершается только путем катастроф, так и то, которое видит в катастрофах не необходимую переходную фазу медленного и незаметно развивающегося процесса, а его нарушение и задержку.

XIV. МЕСТО ДАРВИНИЗМА и МАРКСИЗМА В СИСТЕМЕ НАУК

Настоящая статья, как мною уже было упомянуто, не имела целью дать общее представление о марксизме, но, в самой сжатой форме, сопоставить некоторые стороны этого учения с дарвинизмом. Но изложенного уже достаточно для того, чтобы понять, что марксизм—это цельное, стройное мировоззрение, неразрывно связанное с дарвинизмом. Правильность метода марксизма и дарвинизма, их приемов исследования природы и человеческих обществ, и тех выводов, к которым пришли Маркс и Дар-

---

вин в своих научных произведениях, подтверждается всей наукой новейшего времени, всеми данными развития природы и человечества.

В самом деле: кто может спорить против того, что империалистическая война и российская пролетарская революция являются торжеством марксистского анализа мировой и российской действительности? Общественная наука может развиваться исключительно на почве исторического материализма. Ибо только при применении марксистского метода, просто, ясно и понятно объясняется возникновение права, политики, науки, религии, искусства и, вообще, всякой общественной идеологии; марксистский подход к явлениям—это единственно правильный научный подход.

Гениальная Роза Люксембург очень метко и кратко выразила отношение между буржуазной наукой и марксизмом. Она сказала: „Учение Маркса—дитя буржуазной науки, но рождение этого дитяти стоило матери жизни“.

Что же в особенности характеризует марксизм?

Марксизм и дарвинизм изгнали из науки метафизический метод исследования. А этот метод представляет собой способ исследования всех вещей и явлений обособленно, изолированно, вне великой общей их связи. Он изучает их не в их движении, а в покое, т. е. не как по существу изменяющиеся, а как неизменные. Метафизик мыслит: да—да, нет—нет, а что сверх того, то от лукавого. Для него вещь не может быть и сама собой и, в то же время, иной.

На место этого метода, марксизм и последовательный, не трусливый, дарвинизм ставят совершенно иной—диалектический. Этот последний исходит из положения, что все в мире связано неразрывной связью, нет ничего стоящего особняком, независимо от того, что вне его. Вместе с тем, он рассматривает вещи и явления в их движении, в их развитии, в их образовании и уничтожении, в их отражении в понятиях. Маркс и Энгельс ясно доказали, что к развивающемуся явлению не всегда применимы обычные наши мерки и понятия: что полезно сегодня, то может стать вредным завтра, а то, что кажется

сегодня истинным, может завтра оказаться ложным. Всякое явление природы или человеческого общества, развиваясь, меняет свою форму и, наконец, исчезая, отмирая, дает место новому явлению, новой жизни. Так происходит, согласно учению Дарвина, во всем живом и растительном царстве, так бывает, по историческому материализму, и в истории человечества, где накапливающиеся незаметные изменения в экономической жизни приводят к таким противоречиям, которые рано или поздно вызывают взрыв, подобно взрыву котла под давлением накопившихся газов. Этот взрыв и есть революция, в результате которой на развалинах старого, разрушенного революцией, общества вырастает новое общество, как из разорвавшейся куколки вылетает бабочка.

• Три основные черты характеризуют марксизм: материализм, монизм и детерминизм.

Марксизм есть материалистическое учение, ибо, как мы видели, в основе его лежит допущение, что „первоначалом“ всего существующего является материя, конкретный, материальный, вечно развивающийся мир, в котором нет ничего неизменного, в котором „все течет“. Всякое сознание, всякая идея определяется этим бытием, этой средой, но никак не наоборот.

Монистическим учением марксизм является потому, что тут нет никакой двойственности. Он устанавливает полное единство между субъектом и объектом, между человечеством и природой, между личностью и обществом, между бытием и сознанием, рассматривая их в их развитии, в их взаимодействии.

Что же касается детерминизма, то это есть учение, которое утверждает, что человеческая воля зависима, обусловлена, несвободна. Марксизм как раз стоит на такой точке зрения, ибо у него каждое явление в своем развитии естественно вытекает из другого, причина обуславливает собой следствие. Каждое явление лишь момент в непрерывном развитии вселенной. Для этого учения свобода человеческой воли состоит только в понимании необходимости. Свобода состоит не в воображаемой независимости человека от законов развития, а в познании

этих законов и созданной этим возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей.

Таковы, в общих чертах, главные характерные черты марксизма, который иначе называется диалектическим материализмом.

Но эти же черты характеризуют и дарвинизм, и это, конечно, по той простой причине, что оба эти учения тесно соприкасаются между собой, хотя они возникли независимо друг от друга. Оба эти учения завершили развитие науки в смысле распространения причинной закономерности на последние области—явлений живой природы и человеческого общества. Этими двумя шагами, сделанными почти одновременно, бог был изгнан из его последних убежищ.

Вся прежняя, домарксовская философия есть философия реакционная, так как ее основной целью было примирение науки с верой, искание вечных истин и законов, замена конкретной практической деятельности созерцанием и т. д. Действительный, реальный мир, вещи рассматривались только в форме объекта, а не как человеческая деятельность. В этом состоит главный недостаток всех существующих философских систем, в том числе и буржуазно-материалистических. Только на практике человек должен доказывать истинность своих мыслей и теорий. Таким образом, марксизм изменяет даже самую постановку философской проблемы. Прежняя философия созерцания заменяется новой философией, а именно—философией действия. Следовательно, марксизм—это в высшей степени активистическое мирозерцание: практика, деятельность в нем слиты с теорией, наукой.

Таким образом, мы можем сказать: марксизм—это всеобъемлющий синтез направленной на познание мира теории и направленной на революционное переустройство мира практики. Он, по выражению Семковского, дает нам не только цельность мировоззрения, но и возвышенный пафос, ибо он показывает нам, что наши идеалы коммунизма представляют собой не пустые мечты, а вытекают из закономерного развития человеческого общества.

Каждый пролетарий должен быть хорошо знаком с основными идеями этого учения, ибо оно, как метко сказал наш революционный писатель Герцен, является „алгеброй революции“, т. е. формулой вечной борьбы, вечного развития и прогресса. Оно представляет собой рычаг в историческом процессе, могучее орудие не только экономического и политического освобождения всех угнетенных классов, но и их духовного освобождения. Ведь каждый рабочий, даже сам того не сознавая, в обыденной жизни весь находится во власти тех предрассудков, тех умственных привычек, которые он невольно воспринял от окружающей его буржуазной, мещанской или крестьянской среды, или которые ему привили господствующие классы своей школой, литературой, театром, кинематографом и т. д. Впрочем, пролетарии не должны забывать, что и теперь еще в школах, за недостатком марксистских учебников, а, главное, за отсутствием преподавателей-марксистов, преподается всякий буржуазный хлам. На это явление необходимо обратить весьма серьезное внимание.

Роза Люксембург еще за 20 лет до своей трагической смерти писала: „Вся сила современного рабочего движения покоится на теоретическом познании. До тех пор, пока теоретическое познание останется в партии привилегией горсти „академиков“, ей постоянно будет угрожать опасность сбиться с пути. Только тогда, когда широкие массы рабочего класса сами возьмут в руки надежное, остро отточенное оружие научного социализма, исчезнут все мелкобуржуазные уклонения, все оппортунистские течения“.

Эти слова особенно справедливы теперь, когда партия пролетариата стала правящей партией в государстве, когда пролетариат начинает переделывать общество по своему разумению. Он должен овладеть наукой для уяснения себе, как пройденного им в борьбе против капитала пути, так и дальнейших своих задач. А для этого пролетариат должен, прежде всего, усвоить основы своей, пролетарской науки—марксизма.

При этом обязательно нужно помнить вот что: путь к марксизму лежит через дарвинизм. Ибо основа обоих этих великих учений одна—последовательный материализм.

~~И-30194~~

~~10877~~. 3723

О Г Л А В Л Е Н И Е

	СТР.
От издательства	3—4
Предисловие ко второму изданию	5—6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Фр. Энгельс. Роль труда в процессе развития обезьяны в человека

Предисловие (Нейе Цейт).	9—10
Введение.	11—25
Отрывки о дарвинизме.	26—33
Примечания Г. А. Гурева	34—38

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Г. А. Гурев (Гуревич). Взаимоотношения марксизма и дарвинизма

I. Значение учений Маркса и Дарвина.	43—46
II. Чему учит дарвинизм	47—49
III. Чему учит исторический материализм.	49—56
IV. Закономерность в науках о природе и науках об обществе	56—62
V. Материализм, как основа учений Маркса и Дарвина.	62—68
VI. Утверждение причинности и изгнание божественности	68—76
VII. Борьба за существование, как фактор естественного и общественного развития	76—82
VIII. Экономический фактор развития в дарвинизме и историческом материализме.	82—86
IX. Социальные инстинкты по дарвинизму и историческому материализму	86—92
X. Отношение общества к учениям Маркса и Дарвина	92—96
XI. Дарвинизм и коммунизм	96—102
XII. Исторический материализм, как пролетарская наука*)	102—106
XIII. Эволюция и революция	106—118
XIV. Место дарвинизма и марксизма в системе наук	113—117
Оглавление	119

*) Заголовок этой главы пропущен на стр. 102, между строками 14—15 сверху.